

РАССЛЕДОВАНИЯ АРТУРА ЭШФОРДА

СМЕРТЬ В ОТЕЛЕ «БЛЭКМИР»

ЭНТОНИ ВОРГ

Энтони Ворг

Смерть в отеле «Блэкмир»

«Автор»

2026

Ворг Э.

Смерть в отеле «Блэкмир» / Э. Ворг — «Автор», 2026

Ноябрь 1949 года. Сэр Эдмунд Рэйвенкрофт собирает гостей в уединенном отеле у озера и обещает утром вернуться к старому делу. Но до утра он не доживает. Дверь библиотеки заперта изнутри, окно открыто, а люди за ужином оказались рядом друг с другом не случайно. Артур Эшфорд плохо запоминает лица, зато помнит голоса. Эта особенность уже помогала ему во время войны. Теперь вместе с инспектором Нэшем ему предстоит разобраться в письмах, денежных переводах и показаниях, которые меняются после каждого нового вопроса. След ведет в 1943 год к людям, которых ждали, чужим именам и обещаниям, которые не были выполнены. Но услышать знакомый голос еще не значит доказать вину. Первая книга цикла «Расследования Артура Эшфорда»: классический детектив о запертой комнате, доверии и цене молчания.

© Ворг Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Дорога к Блэкмиру	6
Глава 2	15
Ужин в восемь	15
Глава 3	29
Комната, запертая изнутри	29
Глава 4	39
Человек с дороги	39
Глава 5	48
Показания Финча	48
Глава 6	58
Первое марта	58
Глава 7	67
Посетитель библиотеки	67
Глава 8	76
Вторая записка	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Энтони Ворг

Смерть в отеле «Блэкмир»

Энтони Ворг

СМЕРТЬ В ОТЕЛЕ «БЛЭКМИР»

Детективный роман

Из цикла

«Расследования Артура Эшфорда»

Том 1

© 2026 Энтони Ворг. Все права защищены.

Глава 1

Дорога к Блэкмиру

Пятница, 18 ноября 1949 года.

Дождь начался еще за Пенритом.

Поначалу редкие капли разбивались о ветровое стекло и тут же исчезали под дворниками. Через четверть часа дождь уже шел сплошной стеной. Фары Jaguar выхватывали из темноты мокрый асфальт, каменные стены и голые ветви, склонявшиеся над дорогой.

Артур Эшфорд сбросил скорость.

Дорога становилась уже. Слева тянулась невысокая каменная ограда, справа темнел склон, за которым время от времени показывалась вода.

Озеро.

Черное, почти неподвижное, оно появлялось между деревьями всего на несколько секунд и снова исчезало.

На очередном повороте задние колеса скользнули.

Эшфорд спокойно отпустил газ, выровнял машину и только потом позволил себе посмотреть на длинный темно-зеленый капот.

— Потерпи. Осталось немного.

Jaguar никак не ответил.

— Вот и договорились.

Последний час они почти не встречали других машин. Один грузовик прошел навстречу возле деревни, еще один автомобиль стоял у обочины с включенными фарами. Водитель, судя по всему, решил переждать ливень.

Эшфорд не стал его осуждать: он и сам несколько раз думал о том же.

На пассажирском сиденье лежала сложенная карта. Маленькая черная точка у озера отмечала Блэкмир. На бумаге все выглядело просто: Пенрит, несколько деревень, дорога вдоль воды и отель.

Карты вообще были гораздо спокойнее жизни.

Эшфорд достал карманные часы. Без нескольких минут семь.

Положив их обратно, он нащупал во внутреннем кармане пальто сигару — Noyo de Monterrey Double Corona, — достал ее, покрутил между пальцами и вдохнул запах табака. Закуривать не стал.

Хорошая сигара требовала кресла, спокойного вечера и хотя бы получаса, в течение которого никто не собирался сообщать неприятные новости.

Пока не было даже кресла. Он убрал сигару обратно в карман.

Такие вечера лучше проводить дома возле камина.

Но девять дней назад ему пришло письмо.

Плотный кремовый конверт, хороший почерк и имя, которое Эшфорд прежде только слышал: сэр Эдмунд Рэйвенкрофт.

Письмо было коротким. Рэйвенкрофт приглашал его провести несколько дней в принадлежащем ему отеле «Блэкмир». Писал, что хочет обсудить старое дело, которое «слишком долго считалось законченным».

Эшфорд прочитал письмо утром, положил на стол и решил отказаться.

После обеда прочитал еще раз. Решение не изменилось.

Почти.

В самом конце была одна фраза:

«Полагаю, вас заинтересует человек, которого легче узнать по голосу, чем по лицу». Вот она и изменила все.

О его особенности знали немногие. Еще меньше людей понимали, насколько далеко она заходила.

Эшфорд плохо запоминал лица. Не настолько, чтобы каждый знакомый человек становился незнакомцем. Иногда он узнавал людей сразу. Иногда мог провести с человеком весь вечер, а через неделю пройти мимо него на улице.

Хуже всего было, если человек менял одежду, прическу или Эшфорд встречал его в другом месте.

С голосами такого почти никогда не происходило. Голос оставался.

Даже если человек говорил тише, простужался или пытался изменить манеру речи, обычно оставалось что-то свое: длина паузы, способ брать воздух, привычка произносить определенные звуки. Эшфорд научился слышать это давно.

Сначала особенность только мешала. Во время войны все изменилось. Иногда услышать человека оказывалось полезнее, чем увидеть.

Два дня назад сэр Эдмунд позвонил ему в Лондон. Разговор занял меньше минуты.

— Вы все-таки приедете? — спросил Рэйвенкрофт.

— Если ваша дорога позволит.

— Дорога не моя.

— Тогда у нас уже есть общий враг.

На другом конце провода коротко рассмеялись.

— До пятницы, мистер Эшфорд.

— До пятницы.

Этого оказалось достаточно. Теперь Эшфорд знал голос хозяина Блэкмира.

Низкий. Суховатый. Уверенный.

Впереди возник дорожный знак.

БЛЭКМИР — 2 МИЛИ.

— Наконец-то.

Через несколько минут между деревьями показались огни. Сначала одно окно, потом второе.

Дорога пошла вниз, и отель постепенно появился целиком.

Блэкмир оказался больше, чем Эшфорд представлял по фотографии из буклета.

Старое каменное здание стояло недалеко от озера. Центральная часть поднималась на три этажа. От нее расходились два крыла, одно заканчивалось небольшой башней. Темная крыша блестела от дождя. В окнах горел теплый желтый свет.

За зданием лежало озеро, почти невидимое. Только иногда между облаками появлялся слабый свет, и на черной воде возникала серебристая полоска.

Отель выглядел уютным.

И очень одиноким.

У ворот стояла деревянная табличка:

ОТЕЛЬ «БЛЭКМИР»

ТИШИНА. КОМФОРТ. ВИД НА ОЗЕРО.

Эшфорд притормозил.

— Две правды из трех для рекламы уже неплохо.

Какие именно две, он решил выяснить позже.

Подъездная дорожка была покрыта гравием. Вода текла между колесами небольшими ручьями. По обе стороны росли старые деревья, и ветер раскачивал голые ветви над машиной.

Эшфорд подъехал к главному входу и заглушил двигатель.

На этот раз он сразу достал часы. Десять минут восьмого.

Он запомнил время. Это была старая привычка: человеческая память любила немного улучшать прошлое, а часы такого недостатка не имели.

Эшфорд уже потянулся к дверной ручке, когда заметил движение наверху.

На втором этаже, ближе к правому крылу, одно окно было приоткрыто — совсем немного. Белая занавеска время от времени появлялась в щели и снова исчезала.

В такую погоду открытое окно казалось странным.

Эшфорд вышел.

Холодный дождь сразу попал за воротник.

— Прекрасно.

Он открыл багажник, достал дорожную сумку и в этот момент услышал кашель.

Короткий.

Сухой.

После него человек на мгновение задержал дыхание, прежде чем снова вдохнуть.

Эшфорд поднял голову.

Занавеска продолжала двигаться.

Никого.

Он постоял несколько секунд. Кашель не повторился.

Другой человек, скорее всего, забыл бы его еще до входной двери.

Эшфорд не забыл.

Он закрыл багажник и пошел к крыльцу. Главная дверь открылась раньше, чем он успел подняться по ступеням.

На пороге стоял высокий худощавый мужчина лет шестидесяти. Темный костюм, белая рубашка, совершенно спокойное лицо.

— Мистер Эшфорд?

Голос был низким и ровным.

— Да.

— Уиткомб, сэр. Управляющий.

Он спустился на одну ступень.

— Позвольте сумку.

— Благодарю.

Эшфорд передал ему багаж.

— Осторожнее. Там книги.

— Разумеется, сэр.

— Рубашки тоже есть, но их судьба меня беспокоит меньше.

— Постараюсь сохранить и то и другое.

По голосу было понятно, что управляющий шутит.

По лицу — совершенно нет.

Эшфорду это понравилось.

— Мы ожидали вас к шести, сэр.

— Я тоже.

— Погода задержала?

Эшфорд оглянулся на дождь.

— Последние десять миль очень старались.

— Сегодня добрались не все.

— Не могу их винить.

Уиткомб больше ничего не объяснил.

Они вошли. После улицы холл показался почти жарким.

В большом камине горели поленья. Перед ним стояли два кожаных кресла и небольшой столик с газетами. Темные деревянные панели на стенах отражали свет ламп. На полу лежал старый ковер, заметно потертый ближе к лестнице.

Пахло полированным деревом, мокрой одеждой, лавандовой водой и хорошим сигарным дымом.

Снаружи ветер продолжал бросать дождь в окна, но тяжелая дверь приглушила шум. Теперь он стал частью дома.

Где-то в глубине Блэкмира играл рояль. Исполнитель начинал мелодию, останавливался, повторял несколько тактов и снова замолкал.

В этот момент через дальнюю часть холла прошел молодой слуга с подносом. Он быстро исчез за дверью столовой.

Эшфорд посмотрел ему вслед. Узнает ли он этого юношу в следующий раз, сказать было трудно. Пока тот молчал, это оставалось неважным.

Он снял перчатки.

— Ужин в восемь? — спросил он.

— Да, сэр.

— Значит, я успею переодеться.

— Горячую воду уже готовят.

— Лучшее, что я слышал за сегодняшний вечер.

Уиткомб хотел ответить, но взгляд Эшфорда остановился на часах у лестницы.

Большой темный корпус, латунный маятник. Стрелки показывали четверть восьмого.

Эшфорд снова достал свои часы. Десять минут восьмого.

— Ваши спешат на пять минут.

Уиткомб посмотрел на циферблат.

— Да, сэр.

— Давно?

— Довольно давно.

— И никто не исправляет?

— Сэр Эдмунд предпочитает оставить их так.

— Почему?

— Это лучше спросить у сэра Эдмунда.

Ответ прозвучал совершенно официально.

Эшфорд убрал часы.

— Спрошу.

Из салона справа донесся громкий мужской голос:

— Я всего лишь сказал, что кресло выглядит старше Соединенных Штатов.

Американец.

Женщина ответила:

— Возможно, поэтому оно и ведет себя спокойнее.

Раздался смех.

— Мистер Морган? — спросил Эшфорд.

Уиткомб впервые посмотрел на него с легким интересом.

— Да, сэр.

— Нетрудно догадаться.

— Обычно нет.

В холле послышались шаги.

Медленные.

На каждом втором шаге наконечник трости слегка касался пола.

Тук.

Шаг.

Тук.

Шаг.

Эшфорд узнал человека еще до того, как повернулся.

— Мистер Эшфорд.

Тот же голос, что звучал два дня назад по телефону.

Эшфорд обернулся.

К ним шел высокий пожилой мужчина в темном вечернем костюме. Седые волосы, прямая спина, серебряная трость.

Лицо Эшфорд рассмотрел внимательно — скорее по привычке.

— Сэр Эдмунд.

Рэйвенкрофт протянул руку.

— Рад, что вы добрались.

— Я тоже. Последний час это не было очевидно.

— Дорога сегодня отвратительная.

— Наконец кто-то говорит о ней правду.

На лице хозяина появилась короткая улыбка.

— Уиткомб утверждает, что к утру станет хуже.

— Тогда ближайшие несколько часов я никуда не поеду.

— На это я и рассчитывал.

— Значит, все-таки заманили.

— Пригласил.

— Сегодня разница небольшая.

Сэр Эдмунд усмехнулся.

При встрече он оказался живее, чем в письме и в коротком телефонном разговоре.

— Вы устали?

— Немного.

— Тогда я не стану задерживать вас до ужина. Завтра после завтрака поговорим в библиотеке.

Эшфорд поднял бровь.

— Я проехал почти триста миль, чтобы услышать слово «завтра»?

— Нет. Еще будет ужин.

— Тогда поездка уже оправдана.

— Я обещал Уиткомбу не задерживать вас.

— Уиткомб производит впечатление человека, обещания которому лучше выполнять.

Управляющий стоял рядом, будто разговор его не касался.

— Дело, о котором вы писали, действительно настолько старое?

Улыбка исчезла с лица Рэйвенкрофта.

— Шесть лет.

— Сорок третий?

Небольшая пауза.

— Да.

— И вы считаете, что оно не закончено.

— Я считаю, что его закончили слишком удобно.

Вот теперь Эшфорд почувствовал настоящий интерес.

— А человек, которого легче узнать по голосу, чем по лицу?

Трость перестала касаться пола.

— Значит, именно эта фраза привезла вас сюда.

— В основном.

— Хорошо.

— Откуда вы знаете о моей особенности?

Сэр Эдмунд не ответил сразу.

— Завтра.

Эшфорд медленно выдохнул.

— Вы очень любите это слово.

— В моем возрасте ценишь возможность отложить неприятный разговор.

— В моей профессии отложенные разговоры обычно становятся хуже.

— Тогда у вас будет интересное утро.

Эшфорд посмотрел на него внимательнее. В лице старика было напряжение. Не страх — по крайней мере пока.

Скорее ожидание. Сэр Эдмунд чего-то ждал, и это ожидание явно не доставляло ему удовольствия.

Из салона снова послышался американец:

— Если это называется традицией, у вас в стране слишком много свободного времени!

Женщина ответила:

— А у вас, мистер Морган, слишком мало терпения.

Сэр Эдмунд закрыл глаза на секунду.

— Наш американский гость уже освоился.

— Похоже.

— Он считает тишину личным оскорблением.

— По крайней мере в доме будет слышно, где он находится.

На этот раз Рэйвенкрофт рассмеялся.

— Возможно, это даже полезно.

— Кто еще приехал?

— Познакомьтесь за ужином.

— Большая компания для ноября.

Сэр Эдмунд оперся на трость.

— Я никого не приглашал случайно.

Голос стал серьезнее.

— И советую не спешить составлять о них мнение. Гости редко остаются теми, кем представлялись в первый вечер.

— Включая меня?

— Особенно вас.

— А вас?

Уголок губ Рэйвенкрофта поднялся.

— Вы начинаете задавать лишние вопросы раньше, чем я рассчитывал.

— Дорога была длинной.

— Завтра получите ответы.

— Все?

— Не наглейте, мистер Эшфорд. Мы знакомы всего три минуты.

Эшфорд рассмеялся.

И почти в ту же секунду наверху снова раздался кашель.

Тот же звук.

Короткий и сухой.

Потом знакомая задержка перед вдохом.

На этот раз Эшфорд смотрел не на лестницу.

На сэра Эдмунда.

Наконечник трости перестал двигаться.

Рэйвенкрофт поднял голову в сторону второго этажа.
Всего на секунду.

Затем снова посмотрел на Эшфорда.

— Кто живет в правом крыле? — спросил Эшфорд.

— Несколько гостей.

— Кто именно?

— Узнаете за ужином.

— Этот ответ вы сегодня уже использовали.

— Значит, он работает.

Теперь хозяин явно не хотел продолжать тему. Эшфорд не стал давить.

Он только отметил, что за весь разговор сэр Эдмунд ни разу не спросил, кто это кашляет.

— После завтрака, — напомнил Рэйвенкрофт.

— Я буду.

Сэр Эдмунд сделал несколько шагов к салону, затем остановился.

— И еще одно.

— Да?

— Старый дом много шумит. Особенно в такую погоду. Если ночью услышите что-нибудь странное, не обязательно сразу искать объяснение.

— Вы пытаетесь меня успокоить?

— Да.

— Получается не очень.

На этот раз сэр Эдмунд рассмеялся вполне искренне.

— До ужина.

Он ушел в салон.

Эшфорд еще несколько секунд смотрел ему вслед. Лицо хозяина уже начинало терять четкость в памяти.

Высокий рост. Седые волосы. Трость.

Этого он не забудет. Но отдельные черты через час могли стать ненадежными.

Голос оставался совершенно ясным. Как и короткий момент, когда трость перестала двигаться после кашля.

— Ваш номер готов, сэр, — сказал Уиткомб.

Они поднялись по широкой лестнице. Наверху было прохладнее.

Тепло камина осталось внизу, а воздух пах старым деревом и сыростью. На стенах висели небольшие картины: озеро летом, лодки у причала, зеленые холмы.

На картинах Блэкмир выглядел значительно приветливее. Эшфорд решил, что художник приезжал в июле.

Они свернули направо. В конце коридора находилось то самое окно. Теперь Эшфорд видел его совсем близко.

Створка оставалась приоткрытой. Занавеска медленно двигалась. Подоконник был мокрым, возле стены на ковре темнели небольшие пятна от задутой ветром воды.

Уиткомб сам подошел к окну.

— Это нужно закрыть.

Он захлопнул створку и проверил защелку.

Эшфорд не помогал, только наблюдал.

— Кто живет в этом крыле?

— Комната двадцать один — доктор Хейл. Двадцать два — мадам Дюваль. Двадцать три — мистер Вэйл. Двадцать четыре сейчас свободна. Двадцать пять — мистер Томас Рэйвенкрофт.

Уиткомб ненадолго задержался.

— Двадцать шестая подготовлена для гостя, который еще не приехал.
Вот оно.

«Сегодня добрались не все».

— Его ждут?

— Да, сэр.

— Сегодня?

— Ожидали к ужину.

Уиткомб не добавил имени, и Эшфорд решил пока не спрашивать.

Дальше, почти у самого конца коридора, была узкая дверь.

— Служебная лестница?

— Да, сэр.

— Ею пользуются только сотрудники?

— В основном.

— Хорошее слово.

— Практичное, сэр.

Они повернули обратно к центральной лестнице и прошли в левое крыло. Номер Эшфорда был четырнадцатым.

Комната оказалась просторной и неожиданно уютной: кровать с высокой деревянной спинкой, письменный стол, шкаф, два глубоких кресла и камин, в котором уже горел огонь.

Окно выходило на озеро. Сейчас там была только темнота.

Уиткомб поставил сумку возле шкафа.

— Горячую воду принесут через несколько минут.

— Отлично.

— Гонг прозвучит незадолго до восьми.

— По вашим часам?

Уиткомб выдержал короткую паузу.

— Гонг, сэр, часов не носит.

Эшфорд посмотрел внимательнее. Лицо управляющего осталось совершенно серьезным.

— Понимаю.

— Что-нибудь еще?

— Вы давно работаете у сэра Эдмунда?

— Двадцать семь лет.

— Значит, хорошо его знаете.

— Настолько, насколько сэр Эдмунд позволяет себя знать.

— Сегодня он нервничает?

Уиткомб не ответил сразу.

— Горячая вода будет через несколько минут, сэр.

— Ясно.

Управляющий слегка поклонился.

— До ужина.

Дверь закрылась.

Эшфорд улыбнулся. Иногда отказ отвечать был вполне хорошим ответом.

Он снял пальто, повесил его возле камина и подошел к окну.

Озеро отсюда казалось еще больше.

Противоположный берег исчез в темноте. Не было видно ни домов, ни фонарей. Только иногда на воде появлялся слабый свет и сразу исчезал.

Лондон неожиданно показался очень далеко.

Там сейчас были такси, рестораны, освещенные витрины, люди, спешащие домой.

Здесь — дождь, старый отель и черная вода.

Эшфорд повернулся к сумке и открыл ее.

Сверху лежал портсигар, под ним — серебряная зажигалка.

Он остановился.

На крышке были выгравированы две почти стертые буквы.

Е.М.

Эшфорд взял зажигалку и несколько секунд держал ее в ладони.

Он уже не мог уверенно восстановить лицо человека, которому она принадлежала. Это до сих пор раздражало сильнее, чем хотелось признавать.

Помнил темные волосы. Улыбку. Кажется, серые глаза.

Но стоило попытаться увидеть лицо целиком — детали начинали меняться. Иногда глаза становились темными. Иногда улыбка исчезала. Иногда он понимал, что вспоминает уже не того человека.

Зато голос сохранился — спокойный, чуть хриплый от усталости.

И одна фраза, сказанная шесть лет назад, оставалась в памяти такой ясной, будто с того вечера прошла одна ночь.

Эшфорд закрыл глаза.

Не сейчас.

Он положил зажигалку на стол.

Вот в чем была самая жестокая шутка его памяти.

Лица людей, которых он хотел сохранить, уходили первыми.

Голоса тех, кого хотел забыть, оставались.

Снаружи усилился ветер. Где-то внизу рояль снова начал ту же мелодию.

Эшфорд прислушался.

Несколько тактов.

Пауза.

Снова начало.

Он достал часы. Двадцать минут восьмого. До ужина оставалось сорок минут.

Эшфорд расстегнул ворот рубашки и еще раз посмотрел на серебряную зажигалку на столе.

Он приехал сюда ради чужого старого дела.

По крайней мере, так было написано в письме.

Глава 2

Ужин в восемь

Горячую воду принесли через несколько минут.

Молодой слуга поставил кувшин возле умывальника и спросил:

— Еще что-нибудь, сэр?

Эшфорду показалось, что он уже видел этого юношу внизу. Возможно, именно он проходил через холл с подносом. Но уверенности не было.

— Нет, благодарю.

— Тогда до ужина, сэр.

Голос Эшфорд запомнил.

— Как вас зовут?

Юноша немного удивился.

— Джордж, сэр.

— Благодарю, Джордж.

Тот кивнул и направился к двери, но у самого выхода задел каблуком ножку стула.

— Простите.

Эшфорд посмотрел на стул.

— Кажется, он простил.

Джордж с трудом удержал улыбку и вышел.

Оставшись один, Эшфорд наконец позволил себе забыть на несколько минут о письме, кашле и сэре Эдмунде.

Горячая вода после дороги была именно такой, какой должна быть хорошая вещь: появилась вовремя и ничего не требовала взамен.

Без двух минут восемь Эшфорд был готов. Черный костюм, белая рубашка, темный галстук.

Сигару он оставил в комнате. После ужина можно было вернуться за ней, если вечер позволит. Судя по его началу, это было далеко не очевидно.

Он вышел в коридор.

В левом крыле было тихо. Из комнаты напротив донесся женский голос, потом негромкий смех. Где-то дальше закрыли шкаф. Снизу поднимался запах жареного мяса и свежего хлеба.

Эшфорд дошел до лестницы и остановился на площадке. Правый коридор уходил в полутьму. Окно в конце теперь было закрыто. За стеклом блестели капли дождя.

Комнаты двадцать один, двадцать два, двадцать три, двадцать пять.

И двадцать шестая, приготовленная для человека, который еще не приехал.

Эшфорд задержался всего на пару секунд. Никто не кашлял.

Снизу прозвучал гонг. Он пошел вниз.

Часы у лестницы показывали восемь ноль три. Его собственные — без двух минут восемь.

Пять минут.

Все на месте.

Уиткомб ждал возле дверей салона.

— Добрый вечер, сэр.

— Добрый.

Эшфорд взглянул на часы.

— Они по-прежнему спешат.

— Упрямые, сэр.

— С возрастом это случается.

— Не только с часами.

И Уиткомб тут же открыл дверь, не оставив возможности понять, была ли это шутка.

Эшфорд вошел в салон. После тихого коридора здесь было почти оживленно.

Горел камин. На небольшом столике стояли напитки. Тяжелые шторы закрывали окна, но ветер иногда прижимал дождь к стеклам так сильно, что разговоры на секунду тонули в шуме воды.

Гости еще не сели за стол. Это было хорошо. Людей легче запоминать в движении, чем выстроенных вдоль белой скатерти.

Кроме того, где-то в этом доме находился человек, который сегодня уже дважды кашлял наверху.

Эшфорд решил слушать всех одинаково внимательно.

Сэр Эдмунд заметил Эшфорда первым.

— Мистер Эшфорд. Ванна победила?

— С небольшим преимуществом.

— Рад слышать. Иначе Уиткомбу пришлось бы посылать полотенца.

Управляющий никак не отреагировал.

— Я предупреждал его, что вы опасный человек, — сказал Эшфорд.

— Уиткомб?

— Он угрожал подкреплением.

Сэр Эдмунд посмотрел на управляющего.

— Это на него не похоже.

— Вода была горячая, сэр, — спокойно произнес Уиткомб.

Эдмунд рассмеялся.

— Познакомим вас с остальными, пока еще не поздно отказаться от ужина.

Первой к ним подошла Вивиан, леди Рэйвенкрофт.

Она была заметно моложе мужа. Темное платье, почти никаких украшений, кроме небольших серег. Держалась спокойно, без той суеты, которой некоторые хозяйки пытаются доказать гостям, что вечер проходит прекрасно.

— Мистер Эшфорд.

Голос был низкий, мягкий.

Его Эшфорд запомнил сразу.

— Миледи.

— Дорога вас не слишком измучила?

— Она несколько раз попыталась.

— Значит, вам повезло.

— Я тоже так решил.

Вивиан посмотрела в сторону окон.

— Не решайте слишком рано. Обратная дорога обычно хуже.

— Вивиан, — произнес сэр Эдмунд, — человек только приехал.

— Именно поэтому я предупредила сейчас.

Она отошла — без улыбки, без попытки превратить сказанное в шутку. Вивиан просто говорила то, что думала.

Эшфорд уже начинал различать людей. Это было полезно.

— Мой племянник Томас, — сказал сэр Эдмунд.

Молодой мужчина подошел быстро и протянул руку.

— Томас Рэйвенкрофт.

Рукопожатие было крепким. Чуть крепче необходимого.

— Артур Эшфорд.

— Я о вас слышал.

— Надеюсь, не от кредиторов.

Томас засмеялся чуть громче, чем требовалось.

— Нет. Вы действительно расследуете убийства?

— Бывает.

— И каково это?

Сэр Эдмунд закрыл глаза.

— Томас.

— Я просто спросил.

Эшфорд посмотрел на молодого человека. В нем не было злости. Только живое любопытство и слишком большое желание понравиться.

— По-разному, — ответил он. — Обычно интереснее тому, кто остался жив.

Томас задумался.

— Да. Глупый вопрос.

— Бывают хуже.

— От него вы этого не добьетесь, — сказал сэр Эдмунд. — Он задает их с детства.

— Хорошо, что хоть в чем-то я постоянен, — ответил Томас и отошел к столу с напитками.

— Доктор Морис Хейл.

Мужчина возле книжного шкафа повернулся.

Седоватый, в очках с тонкой металлической оправой. Возрастом примерно между Эшфордом и сэром Эдмундом. Он подошел без спешки.

— Рад знакомству.

Голос был спокойный. Очень ровный.

— Доктор.

— Надеюсь, моя профессия в эти выходные никому не понадобится.

— Неосторожное обещание в таком доме.

— Я ничего не обещал.

Хейл слегка улыбнулся.

— Врач?

— Кардиология и общая практика. Сейчас в основном первое.

Сэр Эдмунд поднял бокал.

— И поэтому я все еще могу пить шерри.

— Один бокал, — сказал доктор.

— Вы видите? Так начинается тирания.

— Обычно она начинается со второго.

Хейл произнес это совершенно серьезно. Эдмунд только покачал головой.

— Вы тоже из Лондона? — спросил Эшфорд.

— Сейчас да.

— А Блэкмир знаете?

Хейл едва заметно поправил очки.

— Нет. Первый раз после войны выбираюсь так далеко на север.

Ответ был спокойным. Эшфорд не увидел причины ему не верить.

Следующей была Селин Дюваль.

Темные волосы, черное платье и легкий французский акцент.

— Мистер Эшфорд.

— Мадам Дюваль.

Она пожала ему руку.

— Эдмунд сказал, что вы приехали отдыхать.

— Он меня обманул раньше, чем я успел распаковать чемодан.

— Значит, Блэкмир встретил вас правильно.

Сэр Эдмунд услышал.

— Не обращайтесь внимания. Мадам Дюваль считает меня главным недостатком этого отеля.

— Не главным.

— Благодарю.

Дюваль не улыбнулась.

— Чем вы занимаетесь? — спросил Эшфорд.

— Картинами.

— Пишете?

— Возвращаю.

Ответ прозвучал настолько просто, что Эшфорд посмотрел на нее внимательнее.

— Иногда приходится искать вещи, которые во время войны оказались не там, где должны были.

Сэр Эдмунд отпил шерри.

— Селин умеет придавать торговле почти религиозный характер.

— Потому что некоторые люди относятся к собственности других слишком свободно.

В этот раз она посмотрела прямо на хозяина.

Никто не продолжил.

— Чарльз Морган, — представился мужчина еще до того, как сэр Эдмунд успел назвать его.

Американца Эшфорд уже знал по голосу. Широкоплечий, крепкий, с бокалом виски.

— Нью-Йорк.

— Это я тоже уже знаю.

Морган рассмеялся.

— Слышали меня?

— Было трудно не услышать.

— Вот. Я говорил, что стены здесь тонкие.

— Стены прекрасные, мистер Морган, — вмешался Уиткомб.

— Видите? Даже управляющий защищает недвижимость.

Морган повернулся к Эшфорду.

— Вы когда-нибудь были в Нью-Йорке?

— Нет.

— Тогда пока не спешите умирать. Сначала съездите.

— Учту.

— Я серьезно.

— Это несколько портит совет.

Морган снова рассмеялся.

Он говорил коротко, прямо и почти никогда не прятал интерес. Эшфорду это было удобно.

— Мисс Агата Пенроуз, — сказал сэр Эдмунд.

Пожилая женщина сидела у камина. На коленях у нее расположилась маленькая белая собака. Пенроуз даже не попыталась встать.

— Подойдите сюда, мистер Эшфорд. Я не собираюсь вставать ради мужчины, которого впервые вижу.

— Разумно.

Он подошел.

— Агата Пенроуз. А это Лорд Байрон.

Собака посмотрела на Эшфорда с явным отсутствием восторга.

— Кажется, я ему не понравился.

— Это еще ничего не значит. Вчера ему не понравился камин.

— Чем?

— Не ответил.

Эшфорд улыбнулся.

Голос мисс Пенроуз был поставлен необычно хорошо. Четкая дикция, дыхание, привычка немного выдерживать паузу перед важным словом.

— Вы были актрисой?

Она прищурилась.

— Быстро.

— Голос.

— Ах.

Пенроуз погладила Байрона.

— Когда-то. Очень давно.

— Хорошо играли?

— Великолепно. Особенно по собственным воспоминаниям.

Она ему определенно нравилась. Не потому, что была остроумной. Потому что ей было совершенно безразлично, какое впечатление она производит.

— Ричард Вэйл, — позвал сэр Эдмунд.

Молодой человек стоял у рояля. Худой, темноволосый. Он положил пальцы на закрытую крышку так, будто продолжал играть, и Эшфорд понял, кого слышал, пока был наверху.

— Это вы играли?

Ричард повернулся.

— Было слышно?

— Да.

— Я думал, нет.

Голос тихий. Немного закрытый.

— Вы несколько раз начинали одну мелодию сначала.

Вэйл помолчал.

— Не получалось.

— Что именно?

— Вспомнить.

Он отвернулся к роялю.

Сэр Эдмунд вмешался:

— Ричард играет лучше, когда не разговаривает.

Вэйл посмотрел на него.

— Многие так делают.

И отвернулся снова.

Эшфорд решил, что это, пожалуй, самая длинная реплика молодого человека за вечер.

Последней была Элеанор Блейк. Она стояла возле старой фотографии на стене.

— Мы уже почти познакомились, — сказала она.

Эшфорд узнал женский голос из салона.

— Вы спорили с Америкой.

— Америка начала первой.

— Она всегда так утверждает, — сообщил Морган с другого конца комнаты.

Элеанор улыбнулась.

— Элеанор Блейк.

- Артур Эшфорд.
- Я знаю.
- Сегодня это говорят слишком часто.
- Я журналист. Это профессиональный недостаток.
- Знать имена?
- Знать больше, чем человеку хотелось бы.

Эшфорд посмотрел на фотографию. Старый снимок. Люди на ступенях Блэкмира. Военная форма, гражданская одежда, несколько женщин. По краю белела дата.

- Пишете об отеле?
- О его истории.
- Сэр Эдмунд попросил?
- Пригласил.
- Это слово сегодня пользуется популярностью.
- Элеанор посмотрела на него чуть внимательнее.
- А вас он зачем пригласил?
- Отдыхать.
- Конечно.

И больше ничего не спросила.

Эшфорд отметил это. Хороший журналист знает, когда спрашивать. Еще важнее — когда остановиться.

Уиткомб подошел к хозяину.

- Ужин подан, сэр.

Гости перешли в столовую. Большой стол занимал почти всю комнату. Белая скатерть, серебро, свечи, тяжелые бокалы.

Эшфорд дошел до своего места и остановился.

Приборов было одиннадцать.

Гостей — десять.

Один стул оставался пустым.

- Мы кого-то ждем?

Разговоры стихли ненадолго.

Рэйвенкрофт посмотрел на пустой стул.

- Возможно.

- Очень определенно.

- Садитесь, мистер Эшфорд. Уиткомб не любит, когда суп ждет.

Эшфорд перевел взгляд на управляющего.

- Это правда?

- Суп остывает, сэр.

На этом вопрос был закрыт.

Но пустой прибор остался.

Эшфорд сел между Элеанор и мисс Пенроуз. Напротив расположились Томас и Селин Дюваль. Сэр Эдмунд занял место во главе стола. Справа от него — Вивиан, слева — доктор Хейл. Рядом с Хейлом сидел Морган. Ричард сел с краю, ближе к старому пианино в углу столовой.

Пустой стул находился недалеко от сэра Эдмунда. Не случайный гость. Кого-то действительно ждали.

Первым подали суп. Эшфорд попробовал. Хороший. Он взял вторую ложку.

- Кажется, вам нравится, — сказала Элеанор.
- Очень.
- Вы обычно так серьезно относитесь к супу?

— После сегодняшней дороги у нас с ним особые отношения.

Она улыбнулась и продолжила есть.

Первые минут десять разговор шел легко. Морган рассказывал о прогулке к озеру утром.

— Я потерял там ботинки.

Томас посмотрел под стол.

— Они выглядят на месте.

— Эти другие.

— Сколько у вас ботинок?

— Достаточно.

— В этом и состоит американское процветание? — спросила Пенроуз.

— Среди прочего.

— Я всегда хотела понять.

Морган поднял бокал.

— А вы были в Америке?

— Один раз.

— Где?

— Бостон.

— Это не считается.

— Бостонцы будут огорчены.

— Они привыкли.

Вивиан едва заметно улыбнулась.

Хейл продолжал есть, почти не участвуя. Сэр Эдмунд тоже говорил мало. Он слушал.

Эшфорд заметил это не сразу. Хозяин задавал вопрос, позволял человеку ответить и переключался на другого гостя.

Томас. Селин. Морган. Ричард. Хейл.

Словно проверял что-то. Или кого-то.

Эшфорд вспомнил разговор в холле: «Я никого не приглашал случайно».

Интересно.

Когда принесли рыбу, Томас поставил бокал и повернулся к дяде.

— Мне нужно с вами поговорить после ужина.

Сэр Эдмунд даже не поднял головы.

— Завтра.

— Я хотел сегодня.

— Я услышал.

— Это важно.

— Тогда до завтра не испортится.

Томас сжал губы.

— Вы даже не знаете, о чем речь.

— О деньгах.

В комнате стало тише.

Томас покраснел.

— Можно было не говорить это при всех.

Теперь сэр Эдмунд посмотрел на него.

— Можно было не начинать при всех.

Вивиан произнесла:

— Эдмунд.

Только имя.

Сэр Эдмунд отпил шерри.

— Завтра утром, Томас.

— Утром вы найдете новую причину.
— Возможно.
Томас резко отодвинул стул.
Доктор Хейл сказал:
— Томас.
Тон спокойный, почти врачебный.
Молодой человек остановился, но не сел.
— Простите.
И вышел.
Дверь закрылась. Никто не говорил несколько секунд.
Морган посмотрел в свой бокал.
— В Нью-Йорке сейчас бы принесли виски.
Вивиан впервые за вечер действительно улыбнулась.
— Вам в Нью-Йорке его, кажется, приносят на все случаи жизни.
— Потому мы и переживаем трудности быстрее.
— Или просто забываете.
— Результат тот же.
Несколько человек засмеялись. Напряжение немного ослабло.
Доктор Хейл отодвинул тарелку и посмотрел на темное окно.
— Мне не подходит здешняя сырость.
— Станный выбор места для отдыха.
— Меня пригласили.
Эшфорд чуть улыбнулся.
— Нас всех, похоже.
Хейл посмотрел на сэра Эдмунда.
— Да.
Селин Дюваль положила вилку.
— Вы давно знакомы с Эдмундом?
— Несколько лет.
— Вы его врач?
— Да.
— Сердце?
Сэр Эдмунд вздохнул.
— Селин.
— Я не прошу показать медицинскую карту.
Хейл ответил спокойно:
— Сердце требует внимания. Ничего необычного для его возраста.
— Спасибо, доктор, — сказал сэр Эдмунд. — Прекрасно иметь врача за столом. Особенно если хочется обсудить что-нибудь личное.
Морган усмехнулся.
— Мой врач берет за это деньги.
— Мой тоже, — ответил Эдмунд.
Эшфорд посмотрел на бокал хозяина. Шерри.
Хейл заметил.
— И это последний на сегодня.
— Вы уже считаете?
— Работа такая.
— Я начинаю жалеть, что пригласил вас.
— Это хороший признак. Значит, лечение помогает.

Редкая шутка. Именно поэтому она прозвучала естественно.
Следующее блюдо еще не успели подать, когда Элеанор подняла глаза от тарелки.
— Сэр Эдмунд, я все-таки задам один вопрос. Для статьи.
— Только один.
— Что здесь происходило во время войны?
На этот раз замолчали почти все.
— Отель продолжал работать, — сказал сэр Эдмунд.
Морган поставил бокал.
— Только и всего?
— А вам мало?
— Мне всегда мало.
— Некоторые люди приезжали сюда не отдыхать, — сказала Селин.
Эдмунд поднял глаза.
— Многие люди во время войны ездили не отдыхать.
— Удобный ответ.
— Зато верный.
Ричард сидел неподвижно.
Элеанор ждала.
Доктор Хейл спокойно взял бокал с водой.
Сэр Эдмунд произнес:
— Война закончилась четыре года назад.
Селин ответила:
— Для тех, кому повезло.
Никто не стал продолжать.
Эшфорд не знал, о чем именно они молчат. Но за одним столом оказалось слишком много людей, которым слово «война» испортило аппетит.
Молодой Джордж подошел с бутылкой вина. Он наклонился между Морганом и Хейлом и случайно задел горлышком подсвечник.
Свеча погасла.
— Простите, сэр.
Эшфорд узнал голос. Джордж. Только теперь он был уверен.
Морган посмотрел на погасшую свечу.
— Вино цело?
Джордж растерялся.
— Да, сэр.
— Тогда никто не пострадал.
Уиткомб появился рядом почти мгновенно и зажег свечу.
— Джордж.
Больше ничего.
Юноша покраснел и отошел.
— Строгий человек, — заметил Морган.
— Нет, сэр, — сказал Уиткомб. — Строгий человек сказал бы больше.
— Уиткомб, однажды я заставлю вас рассмеяться.
— Желаю удачи, сэр.
Управляющий ушел. Эшфорд подумал, что заплатил бы, чтобы на это посмотреть.
Ричард Вэйл неожиданно поднялся.
— Сэр Эдмунд.
— Что?
— Можно мне сыграть?

— Сейчас?

— Только одну вещь.

— После ужина.

Ричард остался стоять.

— Это займет три минуты.

— Ричард.

В голосе Эдмунда появилось раздражение.

Селин Дюваль тихо сказала:

— Пусть сыграет.

Сэр Эдмунд посмотрел на нее.

Вэйл уже шел к пианино.

Он сел.

Несколько секунд держал руки над клавишами.

Затем заиграл.

Эшфорд сразу узнал мелодию — ту самую, которую слышал из своей комнаты.

Только теперь Ричард не останавливался.

Французская песня была простой. Почти домашней. Такие мелодии редко пишут для концертных залов. Их поют на кухне, у открытого окна или в дороге, когда никто специально не слушает.

Селин перестала двигаться.

Вивиан опустила глаза.

Доктор Хейл повернул голову.

Но не к пианино.

К сэру Эдмунду.

Эшфорд заметил это.

А затем услышал легкий металлический стук.

Трость хозяина качнулась и ударилась о край стула.

Ричард продолжал играть.

— Хватит, — сказал сэр Эдмунд.

Музыка не остановилась.

— Ричард.

Теперь голос хозяина был жестче.

— Не эту.

Руки Вэйла замерли на клавишах.

Тишина после музыки показалась особенно большой.

Ричард не поворачивался.

— Почему?

— Вы знаете.

— Нет.

Сэр Эдмунд встал.

— Тогда тем более.

Вэйл медленно поднялся из-за пианино.

Селин смотрела на него.

Вивиан — на мужа.

Хейл снова взял бокал воды.

Рэйвенкрофт взял трость.

— Прошу простить меня. Я продолжу вечер в библиотеке.

Вивиан подняла голову.

— Сейчас?

— Да.

— Ты обещал остаться до десерта.

— Передай десерту мои извинения.

Она не улыбнулась.

Эшфорд спросил:

— Наш разговор завтра остается в силе?

— Конечно.

— Хорошо.

— Боитесь, что передумаю?

— Уже начинаю привыкать к вашему «завтра».

На мгновение вернулась прежняя улыбка.

— После завтрака.

Он направился к двери. Уиткомб уже открыл ее.

— Меня не беспокоить.

— Разумеется, сэр.

Сэр Эдмунд вышел.

В столовой стало странно пусто, хотя ушел всего один человек.

Эшфорд посмотрел на его место. На столе остался бокал шерри, почти пустой.

Ричард сел, но к еде не притронулся.

Элеанор спросила:

— Что это за песня?

— Старая.

— Французская?

— Да.

— Название?

Ричард помолчал.

— Неважно.

Элеанор не стала повторять вопрос.

Ужин постепенно распался. Селин первой попросила разрешения уйти.

— Я устала.

Никто ее не задерживал.

Через полминуты поднялся Ричард.

— Я немного поиграю.

Никто его не остановил.

Вместо лестницы он вышел в сторону салона, где стоял рояль. Селин к этому времени уже поднималась наверх. Они ушли почти одновременно, но каждый по своим делам.

Доктор Хейл сложил салфетку.

— Я тоже, пожалуй, поднимусь.

Морган удивился:

— Еще рано.

— Я рано встаю.

— Даже в отпуске?

— Плохая привычка.

Хейл поднялся и посмотрел на часы над камином.

— Мои встали еще в Престоне. Приходится верить чужим.

Он поправил очки и попрощался.

Что здешние часы спешат, Эшфорд говорить не стал.

Мисс Пенроуз тоже поднялась.

— Байрон решил, что вечер затянулся.

Морган посмотрел на собаку.

— Он вам сказал?

— У нас доверительные отношения.

Она повернулась к Эшфорду.

— Вы ведь завтра разговариваете с Эдмундом?

— Да.

— Тогда не опаздывайте.

— Постараюсь.

Пенроуз посмотрела на пустое место сэра Эдмунда.

— Он терпеть не может опозданий.

В ее голосе что-то изменилось.

— Особенно после войны.

Эшфорд хотел спросить, что она имеет в виду. Но мисс Пенроуз уже подняла Лорда Байрона.

— Спокойной ночи.

Лорд Байрон посмотрел на всех с рук хозяйки. Возможно, он единственный действительно собирался спать.

Дверь в холл после нее осталась открытой.

Томас вернулся, когда в столовой оставались только Вивиан, Морган, Элеанор и Эшфорд.

Он сел на свое место, налил вина и лишь потом посмотрел на пустое кресло дяди.

— Ушел?

Вивиан ответила:

— В библиотеку.

— Конечно.

Она посмотрела на него.

Томас решил не продолжать.

Пустое одиннадцатое место все еще стояло нетронутым: прибор оттуда Уиткомб не убирал. Кого бы ни ждал сэр Эдмунд, в отеле все еще предполагали, что он придет.

Вивиан повернулась к Эшфорду.

— Эдмунд сказал вам, зачем вы здесь?

— Не совсем.

— Что именно?

— Что никого не приглашал случайно. И что не стоит слишком быстро составлять мнение о гостях.

Томас усмехнулся.

— Очень на него похоже.

— Почему?

— Ему нравится, когда люди думают, что он знает про них больше, чем говорит.

— А он знает?

Томас посмотрел на Эшфорда.

На этот раз ответил не сразу.

— Иногда.

Вивиан тихо сказала:

— Томас.

— Я ничего не сказал.

— Именно поэтому остановись сейчас.

Он пожал плечами и выпил вина.

Морган посмотрел в сторону двери.

— Я бы поговорил с ним сегодня.

— Он ясно сказал, что его не беспокоить, — ответила Вивиан.

— Я слышал.

— Тогда?

— Мне не нравится ждать, когда человек уже собрал всех, кого хотел видеть.

— Вы думаете, это касается вас?

— Я точно знаю, что касается меня.

Элеанор подняла глаза.

— Откуда?

Морган помолчал.

— Потому что я тоже получил письмо.

Эшфорд ничего не спросил. Не сейчас.

Вивиан встала.

— Простите. Я тоже пойду.

Она посмотрела на пустое место.

Всего на секунду.

Потом на дверь, через которую ушел муж.

— Если Эдмунд завтра скажет вам, что передумал разговаривать, — произнесла она, обращаясь к Эшфорду, — не верьте.

— Почему?

— Потому что он готовился к этому разговору несколько недель.

— Откуда вы знаете?

Вивиан уже сделала шаг к двери.

— Я живу с ним.

И ушла.

Томас тихо выругался.

— Еще вина? — спросил Морган.

— Это единственное разумное предложение за вечер.

Он налил себе сам.

Некоторое время никто не спешил расходиться.

Из холла через открытую дверь доносился рояль. Ричард действительно играл. Тише, чем за ужином. Теперь это была другая мелодия — несколько спокойных аккордов, которые то собирались в музыку, то снова рассыпались.

Морган рассказывал Элеанор что-то о дороге к озеру. Томас отвечал невпопад и все чаще смотрел в свой бокал.

Эшфорд не вмешивался. Время шло.

Когда он снова достал карманные часы, стрелки показывали без трех минут девять. На часах столовой было уже две минуты десятого.

Пять минут разницы оставались на месте.

Через открытую дверь донесся кашель.

Эшфорд сразу поднял голову.

Короткий.

Сухой.

И перед следующим вдохом — та самая небольшая задержка.

Тот же человек, которого он слышал перед входом в отель.

Больше этот звук почти ничего не сообщал. По трем секундам сухого кашля нельзя определить ни возраст, ни рост, ни даже наверняка пол. Лестница проходила через весь дом и отдавала звук в холл сразу отовсюду. Из какого крыла он пришел, понять было нельзя.

Томас сидел за столом. Из салона доносился рояль. Значит, не они.

Оставались все, кто уже поднялся наверх. И любой, кто знал про служебную лестницу.

Элеанор заметила его реакцию.

— Вы уже слышали этот кашель?

— Да.

— Когда?

— Перед входом в отель.

Она на секунду задумалась.

— И запомнили?

— Да.

Больше вопросов она не задала.

Морган поднялся.

— Теперь я точно иду в бар.

— Хорошая мысль, — сказал Эшфорд.

— Знал, что мы когда-нибудь согласимся.

Элеанор накинула на плечи легкую шаль. Томас остался за столом с бутылкой вина.

Из салона донеслись несколько более отчетливых нот. Ричард. Значит, он действительно пошел туда, куда сказал.

Эшфорд прислушался всего несколько секунд. Потом встал.

Сэр Эдмунд был в библиотеке. Наверху — Хейл, Селин Дюваль, мисс Пенроуз и леди Рэйвенкрофт. Ричард играл внизу. Томас сидел напротив.

И одиннадцатое место за столом все еще оставалось пустым.

Для одного ужина вопросов было уже достаточно.

Эшфорд решил, что Sidecar без сахара сейчас будет полезнее еще одного ответа. Особенно если ответа пока все равно не было.

Глава 3

Комната, запертая изнутри

Бар находился в конце короткого коридора за холлом.

Комната оказалась маленькой. Темные панели, шесть мест у стойки, несколько низких кресел и камин, в котором огонь горел ровно настолько, чтобы не приходилось думать о дровах. Два окна выходили на озеро, но сейчас в них было только черное стекло и собственное отражение бара.

За стойкой стоял пожилой человек с аккуратно зачесанными седыми волосами.

— Добрый вечер, господа.

— Бриггс, — сказал Морган так, будто представлял старого знакомого. — Он здесь дольше, чем все остальные, вместе взятые.

— Не дольше камина, сэр.

Эшфорд сел ближе к огню.

— Sidcar. Без сахара по краю.

Бриггс кивнул.

— У нас редко просят без сахара, сэр.

— Значит, я испорчу вам статистику.

— Статистику, сэр, портят обычно мистер Морган.

Американец рассмеялся и хлопнул ладонью по стойке.

— Вот. За четыре дня я добился от него ровно двух шуток. Вы получили вторую бесплатно.

Элеанор села в кресло у окна и наконец сняла шаль с плеч.

— Виски, пожалуйста. Немного.

Бриггс занялся стаканами.

Из глубины дома доносился рояль.

Ричард играл негромко, без всякой системы. Несколько тактов, пауза, снова начало. Иногда мелодия почти собиралась во что-то целое, потом рассыпалась и начиналась заново.

— Он так весь вечер, — сказала Элеанор.

— Ему мешают, — ответил Эшфорд.

— Кто?

— Не знаю. Люди обычно так играют, когда пытаются что-то вспомнить, а вспоминается не то.

Морган взял свой стакан.

— В Нью-Йорке за такое снижают арендную плату.

— В Англии повышают, — сказал Бриггс.

Морган посмотрел на него почти с уважением.

— Три.

Некоторое время они молчали.

Дождь по-прежнему шел. Иногда ветер бросал его в окна целыми пригоршнями, и тогда стекло отзывалось коротким сухим стуком.

Эшфорд попробовал коктейль. Слишком хороший для отеля, в котором редко просят без сахара.

— Мистер Морган, — сказал он.

— Слушаю.

— Вы сказали, что получили письмо.

Морган повернул стакан на стойке.

— Сказал.

— Не обязательно отвечать.

— Я знаю. — Он подумал. — В том-то и дело, что я не понимаю, почему не хочу отвечать.

Элеанор подняла глаза, но промолчала.

— Письмо было вежливое, — сказал Морган. — Очень вежливое. Так пишут человеку, которого никогда не видели, но о котором навели справки.

— Вас приглашали отдохнуть?

— Меня приглашали приехать. Это не одно и то же.

Он отпил виски.

— Я двадцать лет читаю чужие письма по работе. Люди почти всегда сообщают больше, чем собираются. Рэйвенкрофт написал шесть строк, и ни в одной из них не было слова «отдых». Зато было слово «наконец».

— Наконец? — переспросила Элеанор.

— «Полагаю, мы наконец сможем поговорить». — Морган пожал плечами. — Мы с ним никогда не разговаривали. Ни разу в жизни. Как можно поговорить наконец, если раньше не начинали?

Эшфорд смотрел в огонь. Он подумал о собственном письме и о последней его строке.

Сэр Эдмунд, судя по всему, умел писать очень короткие письма, после которых люди садились в машину и ехали триста миль под дождем.

— Чем вы занимаетесь? — спросил он.

— Страхование. Нью-йоркская компания, лондонское отделение. Крупные риски. — Морган усмехнулся. — Звучит скучно, и это правда. Но иногда после войны попадают вещи, которые мы застраховали до нее. И которых больше нет.

— Или которые есть, но не там, где были, — сказала Элеанор.

— Вы разговаривали с мадам Дюваль.

— Я разговариваю со всеми. Это моя работа.

— И что она вам сказала?

— Что англичане очень уважают собственность. — Элеанор чуть улыбнулась. — И что во время войны это уважение стало избирательным.

— Она сказала это по-английски или по-французски?

— По-английски. По-французски она сказала другое, но я не поняла.

Бриггс молча долил Моргану виски и отошел к дальнему концу стойки, где начал протирать и без того чистые стаканы.

Хорошая прислуга, отметил Эшфорд, умеет уходить, не выходя из комнаты.

— А вы, мисс Блейк? — спросил он. — Вас тоже пригласили письмом?

— Меня пригласили телеграммой. Это дешевле, а я всего лишь журналист.

— И вам предложили написать историю отеля.

— Мне предложили написать историю дома. Разница есть.

— Какая?

Элеанор поставила стакан на подоконник.

— Отель существует двадцать три года. Дом — двести с лишним. Мне сказали, что материалы предоставят.

— Предоставили?

— Книги гостей за двадцатые и тридцатые. Счета. Две коробки фотографий. — Она помолчала. — Все, что относится к сорок первому и позже, «пока не подготовлено».

— Кем не подготовлено?

— Хороший вопрос. Я задавала его дважды. Сэр Эдмунд оба раза отвечал одинаково.

— «Завтра»? — предположил Эшфорд.

Элеанор посмотрела на него внимательно.

— Именно.

Морган хмыкнул.

— У этого человека одно слово на всех.

— И все-таки вы приехали, — сказал Эшфорд.

— Конечно, приехала. — Она пожала плечами. — Мне двадцать девять лет, я пишу о деревенских выставках цветов, и человек с таким именем предлагает мне двести лет истории. Я бы приехала, даже если бы мне пообещали одни счета за уголь.

— А фотография в салоне?

— Вот она как раз подготовлена. Висит на стене, и на ней стоит дата.

— Вы спрашивали, кто на ней?

— Спрашивала Уиткомба.

— И?

— Он назвал четверых. Все четверо — местные и все давно умерли. — Элеанор посмотрела на свои руки. — На снимке одиннадцать человек.

Морган поставил стакан.

— Мне начинает нравиться этот дом.

— Мне тоже, — сказала Элеанор. — И это меня беспокоит.

Эшфорд ничего не сказал. Он думал о том, что за этот вечер услышал уже три разные причины, по которым люди оказались в Блэкмире в середине ноября, и все три вели в одну сторону.

Назад.

— А вас? — спросила Элеанор.

— Что меня?

— Вас чем позвали?

— Дурной погодой и хорошим ужином.

— Это не ответ.

— Нет, — согласился Эшфорд. — Но он звучит лучше, чем настоящий.

Она не стала настаивать. Ему это нравилось в ней все больше.

Дверь из холла открылась.

Вошел Уиткомб — без спешки, как человек, у которого в списке еще семь пунктов и все они успеются.

— Прошу прощения, господа. Бриггс, бар закрываем в половине одиннадцатого, как обычно.

— Понял, сэр.

Морган обернулся.

— Уиткомб, скажите честно. Вы вообще спите?

— Разумеется, сэр. По расписанию.

Он уже собирался выйти, но Эшфорд поднял руку.

— Один вопрос.

— Да, сэр?

— Одиннадцатое место за столом.

Уиткомб остановился.

— Сэр Эдмунд ожидал гостя.

— Сегодня?

— К ужину. — Управляющий помолчал ровно столько, сколько требовалось, чтобы решить, сколько именно сказать. — Комната приготовлена со среды.

— Значит, его ждали давно.

— Комнату готовят один раз, сэр. Ждут дольше.

Элеанор повернулась в кресле.

— Он не приехал из-за дороги?

— Возможно, миледи... прошу прощения. Мисс Блейк.

— Ничего.

— У Блэк-Бек вода поднялась еще днем. Беккет ездил смотреть после обеда. Проехать можно, но не всякому и не всякой машине.

— А телефон? — спросил Морган.

— Телефон работает, сэр. Никто не звонил.

— И это вас не тревожит?

Уиткомб посмотрел на него совершенно спокойно.

— Меня тревожит холодный суп, сэр. Все остальное обычно решается само.

Он вышел.

Морган покачал головой.

— Однажды я его дождму.

— Не дождете, — сказала Элеанор.

— Почему?

— Потому что он вас любит. Иначе он бы вам не отвечал.

Эшфорд достал карманные часы. Десять минут десятого. Маленькие часы над стойкой показывали четверть десятого. Все как всегда. Он убрал часы обратно.

Рояль в салоне на несколько секунд стал громче, потом снова стих.

— Он играет уже полчаса одно и то же, — заметил Морган.

— Двадцать минут, — сказал Эшфорд.

— Вы считали?

— Нет. Просто слышал.

В коридоре раздались шаги.

Эшфорд узнал их не сразу — ковер съедал половину звука, — но походка была ровной и неторопливой, и человек остановился в дверях, прежде чем войти.

— Доктор, — сказал Морган. — А говорили, что рано встаете.

Доктор Хейл стоял в проеме, все еще в вечернем костюме, только без галстука.

— Встаю рано. Засыпаю плохо. Это разные болезни.

Он подошел к стойке.

— Бриггс, содовой воды, если можно.

— Разумеется, сэр.

— И льда не надо.

Морган подвинул стакан.

— Виски?

— Нет, благодарю.

— Из принципа?

— Из опыта.

Он взял стакан с содовой и сел на второй табурет от Эшфорда, оставив между ними пустое место — так садятся люди, которые не собираются задерживаться.

— Ветер, — сказал он. — В Лондоне я его не слышу. Здесь он идет прямо через окно.

— Вам дали плохую комнату, — заметил Морган.

— Мне дали комнату с видом на озеро. Вид ночью примерно такой же, как ветер.

Элеанор улыбнулась.

— Вы всегда так говорите о своих пациентах?

— Только о комнатах. Пациенты обидчивее.

Эшфорд слушал.

Голос ровный. Дыхание спокойное. Ни спешки, ни лишних слов.

Врач после ужина, которому не спится в чужом доме.

— Сэр Эдмунд еще у себя? — спросил Хейл, ни к кому конкретно не обращаясь.

— В библиотеке, — ответила Элеанор. — Он просил не беспокоить.

— Значит, работает.

— Вы его давно знаете, — сказал Эшфорд.

— Достаточно, чтобы понимать: когда он запирается с бумагами, разумнее оставить его в покое. — Хейл отпил содовой. — Он не любит, когда его лечат в неурочное время.

— А в урочное?

— В урочное он не любит еще сильнее. Но соглашается.

Морган засмеялся.

Хейл допил содовую, поставил стакан и посмотрел на часы над стойкой.

— Четверть десятого, — сказал он скорее себе, чем остальным. — Пора хотя бы попытаться. Спокойной ночи, господа.

— Уже?

— Я честно попробовал не спать. — Хейл слегка улыбнулся. — Не получилось.

Он поправил очки, кивнул Элеанор и вышел в коридор.

Шаги удалились в сторону холла. Морган проводил его взглядом.

— Ровный человек.

— Что вы имеете в виду? — спросила Элеанор.

— То и имею. За четыре дня он ни разу не повысил голос, ни разу не пошутил дважды подряд и ни разу не сказал ничего лишнего. — Морган пожал плечами. — Я таких встречал. Обычно они лучшие в своем деле.

Рояль замолчал — не оборвался на середине, как раньше, а закончил фразу и остановился.

Через минуту в коридоре снова стало слышно шаги — быстрые, легкие. Кто-то прошел мимо бара в сторону лестницы и не остановился.

— Ричард, — сказала Элеанор.

— Вы узнали по шагам? — спросил Морган.

— Я узнала по тому, что музыка кончилась.

Эшфорд улыбнулся в стакан.

Дом постепенно затихал. Сначала кухня — где-то далеко перестала звенеть посуда. Потом коридор. Потом лестница. В таких домах тишина устанавливается не сразу, а слоями, сверху вниз, и последним всегда остается дождь.

Элеанор поднялась.

— Я, пожалуй, пойду. Завтра мне обещали коробку фотографий и, вероятно, снова слово «завтра».

— Спокойной ночи, — сказал Эшфорд.

— Спокойной ночи. — Она задержалась у двери. — Мистер Эшфорд.

— Да?

— Вы весь вечер слушаете, но почти ничего не спрашиваете.

— Спрашивать буду завтра.

— Вот видите. — Она улыбнулась. — Он вас все-таки заразил.

Она вышла.

Морган допил виски и посмотрел на бутылку с сомнением человека, который уже принял решение и теперь ищет для него оправдание.

— Еще одну?

— Нет, — сказал Эшфорд.

— Правильно. — Морган отодвинул стакан. — Хотя и обидно.

Они вышли в холл вместе.

Здесь было прохладнее. Камин почти догорел, лампы горели вполсилы, и большие часы у лестницы шли так громко, как ходят только ночью.

Эшфорд по привычке взглянул на них: двадцать минут десятого.

Из столовой донесся звук отодвигаемого стула.

Томас сидел там же, где они его оставили, перед почти пустой бутылкой. Свечи на столе догорели до половины, и слуги, видимо, решили не мешать.

Он поднял голову.

— А. Сыщик.

— Мистер Рэйвенкрофт.

— Не надо. Меня так называют только когда я должен деньги. — Он поднялся, держась за спинку стула, и постоял, привыкая к вертикальному положению. — Он еще там?

— Кто?

— Дядя. В своей крепости.

— Насколько я знаю, да.

Томас кивнул.

— Знаете, что самое смешное? — Он говорил не зло, а устало. — Я даже не помню, сколько мне нужно. Я помню только, что должен буду просить.

Морган взял его под локоть.

— Пойдемте, я вас доведу до лестницы.

— Я дойду.

— Я знаю. Поэтому и предлагаю.

Томас неожиданно засмеялся.

— Американцы.

Они пошли к лестнице.

Эшфорд остался в холле. Он не собирался ничего делать. Просто стоял у догорающего камина, слушал дождь и думал о том, что почти каждый в этом доме сегодня сказал ему что-то, чего сам не заметил.

Из буфетной появился Уиткомб.

Он шел с той же ровной скоростью, что и всегда, и нес небольшой поднос с графином воды.

— Сэр.

— Уиткомб.

Управляющий свернул направо и скрылся в коридоре, ведущем к библиотеке. Эшфорд слышал его шаги по темному ковру. Потом шаги стихли.

Три коротких стука.

Пауза.

Еще три.

Тишина.

Эшфорд ждал, сам не зная зачем.

Через полминуты Уиткомб вернулся. Поднос был все еще у него в руках.

— Он не ответил, — сказал Эшфорд.

— Сэр Эдмунд просил его не беспокоить, сэр.

— И это все?

Уиткомб посмотрел на него без всякого выражения.

— За двадцать семь лет, сэр, я научился отличать «не ответил» от «не ответил». Сегодня он не ответил.

— В чем разница?

— Когда он не хочет, чтобы входили, он говорит это через дверь. Сегодня он ничего не сказал.

Он поставил поднос на столик у лестницы и поправил салфетку, будто это имело значение.

— Я зайду через четверть часа, сэр. Он иногда засыпает в кресле. В его возрасте это не преступление.

Эшфорд кивнул. Ему нечего было возразить.

Морган спустился по лестнице.

— Доставил. Уснул, кажется, еще на ступеньках. — Он потер шею. — Славный мальчик, но ему нужен не дядя, а работа.

— Он это знает.

— Все это знают. Знать — самое бесполезное из умений.

На площадке второго этажа появилась леди Рэйвенкрофт. Она уже переоделась — темный халат, волосы собраны — и спускалась, держась за перила.

— Мистер Эшфорд. Мистер Морган.

— Миледи.

Она дошла до нижней ступени и остановилась.

— Эдмунд еще внизу?

— В библиотеке, — сказал Эшфорд.

— Он не поднимался?

— Нет.

Вивиан посмотрела в сторону коридора. Ничего в ее лице не изменилось, но Эшфорд отметил, что рука на перилах осталась на месте.

— Он просил не беспокоить, — сказал Уиткомб.

— Я знаю, что он просил.

Она пошла к библиотечному коридору.

Свет там был слабее: лампы стояли далеко друг от друга, и между ними оставались темные промежутки. Их шаги звучали неожиданно громко.

Вивиан остановилась перед дверью и постучала.

— Эдмунд.

Тишина.

Она постучала снова, сильнее.

— Эдмунд, это я.

Дождь ударил в окно в конце коридора.

Больше ничего не было слышно.

Вивиан взялась за ручку и повернула ее.

Дверь не открылась.

Она повернула еще раз, уже двумя руками.

— Заперто.

— Он всегда запирается, когда работает, — сказал Уиткомб.

— Он всегда отвечает, — сказала Вивиан.

Впервые за вечер ее голос прозвучал иначе.

Уиткомб не стал спорить.

— Я принесу ключ.

Он ушел быстрее, чем обычно ходил.

Морган подошел ближе к двери и наклонился.

— Свет там есть?

Эшфорд опустил на одно колено.

Между дверью и порогом была узкая щель, но дуб лежал плотно, и разглядеть можно было немного. Он приложил ладонь к полу.

Из-под двери шел холод. Не сквозняк старого дома, а именно холод — ровный, уличный, ноябрьский.

— Странно, — сказал Морган.

— Да.

Эшфорд поднялся и прислушался. За дверью не было ничего. Ни движения, ни скрипа кресла, ни бумаги. Только ветер, но ветер звучал так, как будто был не за стенами, а внутри комнаты.

Вернулся Уиткомб с большим ключом на кольце.

— Позвольте.

Он вставил ключ в скважину.

Ключ вошел на треть и остановился.

Уиткомб попробовал еще раз, осторожнее, потом нажал сильнее и сразу перестал.

— С той стороны ключ, — сказал он.

— Что это значит? — спросила Вивиан.

— Это значит, что дверь заперли изнутри, миледи. И ключ оставили в замке.

На лестнице послышались шаги.

Сверху спускался доктор Хейл — в рубашке, наспех надетом жилете, с непричесанными волосами.

— Что происходит?

— Он не отвечает, — сказала Вивиан.

Хейл посмотрел на дверь, потом на Уиткомба.

— Заперто?

— Изнутри, сэр.

Несколько секунд никто не двигался.

Потом Хейл сказал очень спокойно:

— Ломайте.

Морган снял пиджак и отдал его Элеанор, которая появилась в конце коридора с лампой в руке и, судя по лицу, поняла все еще до того, как дошла.

— Отойдите, — сказал Морган.

Он ударил в дверь плечом.

Дуб выдержал.

Второй удар — с разбега, всем весом.

Что-то хрустнуло, но дверь осталась на месте.

— Замок, — сказал Уиткомб. — Бейте ниже ручки.

Третий удар пришелся туда, куда он показал.

Дерево вокруг замка треснуло, ключ с той стороны выпал на пол с коротким металлическим звуком, и дверь распахнулась внутрь.

Из комнаты вышел холод.

Лампа на письменном столе горела. Камин почти погас, только несколько углей еще краснели под золой. Большое окно в дальней стене было открыто — не настежь, на ширину ладони, — и тяжелая штора у него медленно шевелилась.

На полу между столом и креслом лежал сэр Эдмунд Рэйвенкрофт.

Кресло было отодвинуто. Трость лежала в стороне, у ножки стола.

Вивиан сделала шаг вперед.

Хейл оказался быстрее.

— Не подходите. Пожалуйста.

Он опустился на колени рядом с телом, взял запястье, подержал. Потом положил ладонь на шею, чуть ниже челюсти. Наклонился к лицу.

Эшфорд стоял в дверях и смотрел не на доктора, а на комнату.

Одна дверь.

Одно окно.

Ключ на полу, у самого порога, — тот, который только что выпал из скважины с внутренней стороны.

Больше в библиотеке никого не было.

Хейл выпрямился, но не встал.

— Уиткомб, поднесите лампу.

Управляющий подошел.

Свет упал на лицо сэра Эдмунда.

Доктор осторожно приподнял веко, посмотрел, отпустил. Потом расстегнул воротник и приложил ухо к груди.

Он держал так дольше, чем нужно было, чтобы понять.

— Сколько времени? — спросил он, не поднимая головы.

Уиткомб посмотрел на каминные часы.

— Половина десятого, сэр.

Хейл кивнул и наконец поднялся. Снял очки, протер их и надел обратно.

— Мне очень жаль, леди Рэйвенкрофт.

Вивиан не двинулась с места.

— Он...

— Да.

Тишина в комнате была неправильной. Слишком много воздуха, слишком мало звука. Штора у открытого окна поднималась и опускалась, и на подоконник изнутри падали редкие капли.

— Как? — спросила Вивиан.

Хейл ответил не сразу.

— Я лечу его... лечил его четыре года, — сказал он. — Сердце. Об этом знали все за сегодняшним столом, включая его самого. Сегодня он много волновался.

— Значит, приступ.

— Скорее всего.

— Скорее всего?

— Миледи, я врач, а не судья. — Он говорил ровно, без нажима. — Я могу сказать, что это выглядит как сердце. Все остальное скажет тот, кто будет осматривать его при дневном свете.

Морган стоял у стены, все еще тяжело дыша после двери.

— Надо звонить.

— Да, — сказал Уиткомб. — Я позвоню в Пенрит.

Он вышел.

Элеанор поставила лампу на край стола и отошла к двери. Лицо у нее было очень белым, но она не сказала ни слова и ни к чему не притронулась.

Эшфорд подошел к окну, но закрывать его не стал.

Внизу под стеной был крутой склон, за ним — темнота и невидимая вода. Ветер шел ровно, с озера, и в комнате от него пахло мокрым камнем.

— Оно было открыто, когда мы вошли, — сказал он.

— Я видела, — ответила Элеанор.

— Я тоже, — сказал Морган.

Хейл посмотрел на окно.

— Ему могло не хватать воздуха. Это бывает.

— Могло, — согласился Эшфорд.

Он достал часы. Двадцать пять минут десятого. Он посмотрел на них дольше, чем требовалось, и убрал в карман.

Потом наклонился и поднял с ковра выпавший ключ — не за бородку, а за самый край кольца — и положил его на стол, рядом с лампой.

Ключ был обыкновенный — тяжелый, старый, с потертой головкой.

Хейл прикрыл лицо сэра Эдмунда салфеткой со столика.

— Здесь больше нечего делать, — сказал он. — Леди Рэйвенкрофт, вам лучше подняться. Я дам вам что-нибудь, чтобы уснуть.

— Я не буду спать.

— Я знаю. Но предложить обязан.

Вивиан посмотрела на мужа.

Потом на окно.

Потом на дверь с расщепленным косяком.

— Он сам ее запер, — сказала она.

Никто не ответил.

Эшфорд стоял посреди библиотеки и слушал.

Дождь. Ветер в открытом окне. Шаги Уиткомба где-то далеко в холле. Тихое потрескивание последнего угля в камине.

И больше ничего.

Комната была совершенно пуста.

Одна дверь, запертая изнутри.

Один ключ, оставшийся в замке с той же стороны.

Одно окно, открытое над крутым склоном к черной воде.

И человек, который, судя по всему, закрыл эту дверь собственной рукой.

Глава 4

Человек с дороги

Первым в библиотеке заговорил Морган.

— Надо закрыть окно.

Он уже шагнул к нему, когда Эшфорд поднял руку.

— Не надо.

— Там льет.

— Я знаю.

— Через час здесь будет лужа.

— Через час здесь будет полицейский из Пенрита, — сказал Эшфорд. — И он спросит, кто что трогал.

Морган остановился.

— Вы серьезно.

— Пока не знаю. Но закрыть окно можно в любую минуту, а открыть его обратно так, как оно было, уже нельзя.

Американец подумал, потом отступил на шаг и опустил руки.

— Хорошо. Ваш дом, ваши правила.

— Дом не мой.

— Тем более.

Вивиан стояла там же, где остановилась, — в трех шагах от двери, не проходя дальше. Свет от лампы на столе доставал до нее только наполовину.

— Уиткомб, — сказала она.

Управляющий появился в дверях сразу, будто ждал.

— Миледи.

— Позвоните в Пенрит. Врачу и в полицию.

— Я как раз собирался, миледи.

— И скажите Мэри, чтобы никто из прислуги сюда не входил.

— Разумеется.

Он ушел.

В библиотеке стало слышно, как в открытое окно бьет дождь. Не сильно — ветер шел вдоль стены, и внутрь попадала только водяная пыль, но холод входил свободно и уже дошел до двери.

Элеанор отступила к книжным полкам. Она ни к чему не притрагивалась и ничего не спрашивала.

Хейл стоял возле накрытого тела, глядя в пол, — как человек, который сделал все, что мог, и знает, что этого было немного.

— Леди Рэйвенкрофт, — сказал он наконец. — Вам действительно лучше подняться.

— Я слышала вас в первый раз.

— Тогда я скажу иначе. Здесь холодно, а вы в халате.

Вивиан посмотрела на него.

Потом на мужа.

— Через минуту.

Хейл не стал настаивать.

Эшфорд отошел к дальней стене и остановился, стараясь не смотреть на тело дольше, чем требовалось. Получалось плохо.

Чуть больше двух часов назад этот человек стоял в холле, опираясь на трость и говорил ему: «Не наглейте, мистер Эшфорд. Мы знакомы всего три минуты». Завтра после завтрака он собирался объяснить, зачем позвал в ноябрьский Блэкмир девять человек и почему знал о памяти Эшфорда то, чего почти никто не знал.

Теперь у Эшфорда было утро, но не было собеседника.

Он поймал себя на том, что злится. Это было бесполезное чувство, и он отложил его на потом.

Комната. Начинать всегда следовало с комнаты.

Библиотека была большой и старой: книжные шкафы до потолка, кресла, шкафчик с бутылками у стены, письменный стол под окном. Камин почти погас. Одна дверь — выбитая. Одно окно — открытое.

Эшфорд подошел к окну. Створка была распахнута внутрь примерно на ширину ладони и держалась так, будто ее не открывали до конца, а просто толкнули и оставили.

Он присел на корточки. Подоконник изнутри был влажным — не залитым, а именно влажным, как бывает, когда мелкая водяная пыль ложится долго и ровно. Нижний край шторы отсырел и потемнел на несколько дюймов. На полу перед окном лежала узкая полоса мелких капель.

И больше ничего. Ни грязи. Ни следов. Ни отпечатка мокрой подошвы на темном ковре.

Эшфорд посмотрел наружу. За окном была почти полная темнота. Свет из комнаты доставал до мокрого камня стены и обрывался. Земля уходила вниз круто, и внизу, футах в двенадцати, угадывался склон, а за ним — озеро.

Он еще раз посмотрел на ковер. Человек, который влез бы в это окно снаружи в такую ночь, оставил бы после себя половину графства.

— Что вы там ищете? — спросил Морган.

— Пока ничего.

— Это звучит как ответ полицейского.

— Это звучит как правда.

Эшфорд выпрямился и повернулся к столу.

Лампа с зеленым абажуром горела ровно. На столе лежали бумаги — стопка счетов, при-
давленная тяжелым пресс-папье, раскрытая книга регистрации, чернильница.

И бокал.

Небольшой, толстого стекла. На дне осталось меньше глотка темной жидкости.

Эшфорд наклонился, не касаясь его. Бренди.

Он выпрямился и посмотрел на шкафчик у стены. Дверца была прикрыта неплотно. Внутри стояли несколько бутылок; одна из них — с бренди — стояла чуть впереди остальных.

— Леди Рэйвенкрофт.

Вивиан подняла глаза.

— Да?

— Сэр Эдмунд пил бренди?

Она посмотрела туда, куда он смотрел. Несколько секунд молчала.

— Нет.

— Никогда?

— Он его не любил. Говорил, что это напиток для людей, которым нечего вспоминать.

— Она перевела дыхание. — Он пил шерри. Один бокал за вечер.

— Иногда два, — сказал Хейл. — Когда я не смотрел.

Он произнес это без улыбки, и почему-то от этого стало только хуже.

— Но не бренди, — сказал Эшфорд.

— Не бренди, — повторила Вивиан.

Эшфорд еще раз посмотрел на бокал и не стал ничего добавлять.

Рядом с чернильницей лежал лист бумаги — не в стопке, а отдельно, чуть развернутый, как будто человек отодвинул его от себя, а потом собирался вернуться.

Эшфорд наклонился над столом.

Наверху страницы стояли два слова.

Его собственное имя.

Он несколько секунд стоял неподвижно.

— Что там? — спросил Морган.

— Письмо.

— Кому?

Эшфорд не ответил сразу.

— Мне.

Элеанор отошла от полок на шаг и остановилась. Никто не подошел ближе.

Эшфорд достал платок, взял лист за самый край и повернул его к свету.

Почерк был тот же, что и в приглашении. Первые строки лежали ровно, буквы держали линию, наклон был твердым и старомодным.

Потом что-то менялось.

К середине страницы строки начинали слегка съезжать вниз. Буквы становились крупнее и хуже связанными между собой. В одном месте перо оставило кляксу и было отведено в сторону.

Последняя строка обрывалась — не точкой, не запятой: просто заканчивалась на середине слова, и дальше шел чистый лист.

Эшфорд прочитал.

«Мистер Эшфорд,

я должен был написать это девять дней назад и не написал. Мне казалось, что человек в моем возрасте имеет право оставить объяснения на утро.

Завтра я расскажу вам все по порядку. Сегодня запишу только то, что мне трудно сказать вслух.

Я позвал вас не для того, чтобы вы что-то нашли. Все, что можно было найти, я искал шесть лет и не нашел. Я позвал вас, чтобы вы услышали.

Имени я не знаю до сих пор. Если бы знал, я обошелся бы без гостей и без вас.

Здесь почему-то очень жарко. Камин почти погас, а мне жарко, и рука пишет хуже, чем дум»

Он положил лист обратно на стол, ровно так, как тот лежал, и накрыл его платком.

— И? — сказал Морган.

— Он не назвал ни одного имени.

— Совсем?

— Совсем.

Морган смотрел на него внимательно.

— Вы бледный.

— Я устал. Это было отчасти правдой.

Хейл посмотрел на письмо, потом на Эшфорда.

— Он писал его сегодня?

— Судя по чернилам, да.

— Тогда полиция захочет его увидеть.

— Захочет, — согласился Эшфорд. — Поэтому оно останется здесь.

Он отступил от стола.

Ветер снова прошел по комнате, и штора у окна медленно поднялась и опустилась.

— Я одного не понимаю, — сказал Морган.

— Только одного?

— Пока одного. — Американец кивнул на выбитую дверь. — Ключ был внутри. Я сам слышал, как он упал. Окно открыто, но в него не влезешь без лестницы, и вы сами полчаса разглядываете ковер, на котором ничего нет.

— Верно.

— Значит, если здесь кто-то был, как он отсюда вышел?

Эшфорд ответил не сразу. Он смотрел на кресло, отодвинутое от стола, и на трость, лежавшую отдельно, у самой ножки.

— Не знаю, — сказал он. — Но я, кажется, начинаю задавать этот вопрос неправильно.

— В каком смысле?

— Мы с вами спрашиваем, как человек вышел из запертой комнаты. — Эшфорд повернулся к нему. — Сначала неплохо было бы понять, был ли он здесь вообще.

Морган помолчал.

— Тогда что здесь произошло?

— Пока не знаю.

— Вы это уже говорили.

— И, боюсь, скажу еще несколько раз.

Хейл слегка пошевелился у камина.

— Мистер Эшфорд.

— Да?

— Я понимаю, чем вы занимаетесь и почему смотрите на комнату именно так. — Он говорил спокойно, без тени спора. — Но позвольте напомнить: пожилой человек с больным сердцем провел очень тяжелый вечер и умер один в комнате, которую сам запер. Это грустно и совершенно обыкновенно.

— Возможно.

— Я не настаиваю. Я всего лишь врач, который видел это раньше. Завтра придет тот, кто скажет точнее.

— На это я и рассчитываю, — сказал Эшфорд.

Хейл кивнул и больше ничего не добавил.

В коридоре послышались шаги: вернулся Уиткомб.

— Я дозвонился в Пенрит, миледи. Доктора Кроу нет дома, его ждут к утру. В полиции сказали, что пришлют человека, как только рассветет.

— Не раньше? — спросил Морган.

— Не раньше, сэр. Дорога.

— Насколько плохо?

— По словам сержанта, у Блэк-Бек вода поднялась на четыре фута.

Вивиян наконец сдвинулась с места. Она подошла к столу, посмотрела на мужа, потом на выбитый косяк двери.

— Уиткомб.

— Миледи?

— Заприте эту комнату.

— Дверь сломана, миледи.

— Тогда поставьте что-нибудь. Стул. Не важно. Просто пусть никто сюда не заходит.

— Будет сделано.

Она вышла первой, и Эшфорд заметил, что она ни разу не оглянулась. Остальные вышли следом.

Уиткомб принес из коридора стул, прислонил створку двери к косяку и подпер ее так, чтобы она держалась. Получилось некрасиво и вполне надежно.

В холле было холодно. Камин догорел совсем. Дождь по высоким окнам шел ровно, без порывов, и в доме стояла та особая тишина, которая наступает не тогда, когда все замолчали, а когда всем нечего сказать.

Морган сел в кресло и потер плечо.

— Дверь была хорошая.

— Дуб, сэр, — сказал Уиткомб. — Тысяча восемьсот семьдесят первый год.

— Передайте мои извинения тысяча восемьсот семьдесят первому.

Элеанор села на нижнюю ступень лестницы, обхватив колени, — не как журналистка, а просто как человек, которому больше некуда сесть.

— Кто-нибудь скажет остальным? — спросила она.

— Утром, — ответила Вивиан. — Пусть спят.

— Мисс Пенроуз проснется от любого шороха.

— Значит, я скажу мисс Пенроуз.

Хейл спустился по коридору из библиотечного крыла последним. Он вымыл руки — Эшфорд заметил, что манжеты у него мокрые, — и остановился у лестницы.

— Леди Рэйвенкрофт, я оставлю вам порошок. Если не будете спать, хотя бы полежите.

— Благодарю.

— Мистер Эшфорд, вам тоже стоит лечь.

— Позже.

— Я так и думал.

Эшфорд посмотрел на большие часы у лестницы. Без двадцати десять. На его собственных было без двадцати пяти.

Он убрал часы обратно в карман и в ту же секунду поднял голову.

— Кто-то едет.

Морган повернулся в кресле.

— Что?

— Машина.

— Я ничего не слышу.

— Она еще за поворотом.

Несколько секунд в холле было тихо.

Потом стало слышно и остальным: сначала неровный, задыхающийся звук двигателя, потом шорох воды под колесами, потом свет фар прошел по потолку холла и остановился.

Уиткомб уже шел к двери.

Он открыл ее, и в холл вошел холод, дождь и человек.

Приехавший был невысоким, полным, лет пятидесяти пяти. Пальто на нем промокло насквозь, шляпа потеряла форму, ботинки были в грязи по щиколотку. С левой руки свисал кожаный портфель, старый и тяжелый на вид. Портфель он держал так, будто тот весил вдвое больше, чем на самом деле.

Человек снял шляпу, оглядел холл — быстро, по кругу, отмечая лица, — и остановился на Уиткомбе.

— Я опоздал?

Голос был высокий, немного сорванный, с одышкой.

— Мистер Финч.

— Да. Да, Финч. — Он вытер лицо ладонью. — Дорога. Я дважды съезжал в канаву, у Блэк-Бек вода уже через настил, и я... — Он остановился. — Я опоздал?

— Гарольд.

Вивиан стояла у лестницы.

Финч повернулся к ней.

Что-то в его лице изменилось, но Эшфорд не смог бы сказать, что именно. С лицами у него всегда было хуже. Зато он услышал, как у Финча сбилось дыхание.

— Вивиан.

— Ты промок.

— Да.

— Уиткомб принесет тебе полотенце.

— Спасибо. — Он посмотрел на нее, потом снова на остальных, и в его голосе появилась торопливость. — Эдмунд еще не лег? Я знаю, что поздно. Я знаю. Но мне нужно сегодня. Он поймет. Он сам просил меня приехать, я могу показать письмо, если...

— Гарольд.

— Что?

Вивиан молчала.

Заговорил Уиткомб — ровно, как объявляют время ужина.

— Сэр Эдмунд умер, сэр.

Портфель качнулся, но Финч его не выпустил.

— Что?

— Мы нашли его в библиотеке. Десять минут назад.

— Нет.

— Мне очень жаль, сэр.

— Нет, это... — Финч сделал полшага назад и оперся плечом о косяк. — Я разговаривал с ним в среду. По телефону. Он был совершенно...

Он замолчал.

Эшфорд смотрел на него. Все, что происходило дальше, заняло, наверное, секунды три. Финч выпрямился и оглядел холл еще раз — теперь медленнее.

Морган в кресле. Элеанор на ступенях. Хейл у лестницы. Уиткомб у двери. Эшфорд у камина.

И спросил:

— Он успел поговорить?

В холле стало очень тихо.

— С кем? — сказала Элеанор.

— С кем-нибудь. — Финч перевел взгляд на нее и тут же убрал. — Он собирался. Он сказал, что в пятницу вечером или в субботу утром он... что он наконец скажет. Он успел?

— Нет, — ответил Эшфорд.

Финч посмотрел на него впервые.

— А вы кто?

— Артур Эшфорд.

— Эшфорд.

Он повторил фамилию так, как повторяют слово, которое уже слышали.

— Он писал вам обо мне? — спросил Эшфорд.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Но вы знаете, кто я.

— Я... — Финч мотнул головой. — Я читаю газеты. Иногда.

Морган поднялся из кресла.

— Мистер Финч, садьте, пока не упали. Уиткомб, у вас есть что-нибудь горячее?

— Чай через пять минут, сэр.

— И бренди.

— Нет, — сказал Финч.

Он произнес это резче, чем требовалось, и сам это услышал.

— Нет, спасибо. Только чай. Я за рулем... — Он растерянно посмотрел на собственное пальто, с которого текло на ковер. — Уже не за рулем. Простите.

Хейл сделал шаг вперед.

— Позвольте. Морис Хейл, врач.

Финч посмотрел на протянутую руку и пожал ее — коротко, вежливо.

— Финч.

— У вас дрожат руки.

— Я весь день держал руль.

— Разумеется. Сядьте ближе к огню.

— Огонь погас, — сказал Финч.

Хейл посмотрел на камин.

— Верно. Тогда просто сядьте.

Финч сел в кресло у столика с газетами и поставил портфель между ботинок, придвинув его к ножке кресла. До появления чая ремень он не выпускал.

Уиткомб принес полотенце, потом — через несколько минут — чай.

Чай Финч пил, обхватив чашку обеими руками, а портфель зажал между ботинками.

— Дорога, — сказал Морган. — Насколько плохо?

— Плохо. — Финч сглотнул. — За мостом еще ничего. У Блэк-Бек вода идет поверху. Я прошел, но там уже... там уже камни на дороге. Сверху. Со склона. Я объезжал по обочине, и обочина едет.

— Значит, после вас никто не проедет.

— Не думаю. — Финч поднял глаза. — А кто-то должен был?

— Врач из Пенрита. Утром.

Финч медленно поставил чашку на столик.

— Утром, — повторил он.

Уиткомб вышел и вернулся минут через десять уже в плаще, с мокрыми плечами.

— Миледи. Беккет только что поднялся снизу. Дорогу у Блэк-Бек завалило окончательно, примерно в четверти мили от моста. Проехать нельзя ни в ту, ни в другую сторону.

— А пешком? — спросила Элеанор.

— Пешком, мисс, в такую погоду и в темноте я бы не советовал никому.

— Телефон?

— Телефон работает, мисс. Я проверил перед тем, как идти к вам.

— Хоть что-то, — сказал Морган.

Вивиан стояла у лестницы, держась за перила.

— Уиткомб, приготовьте мистеру Финчу комнату.

— Комната готова, миледи. Двадцать шестая.

Финч поднял голову.

— Двадцать шестая?

— Ее приготовили для вас в среду, сэр.

Что-то в лице Финча снова изменилось, и на этот раз Эшфорд понял, что именно: человек услышал подтверждение того, во что до конца не верил. Его действительно ждали.

— Он готовил комнату, — тихо сказал Финч. — Он готовил комнату.

— Он ждал вас к ужину, сэр.

— Я должен был выехать раньше.

Никто не ответил.

Через четверть часа дом начал расходиться.

Вивиан поднялась первой, за ней Элеанор. Морган постоял у окна, посмотрел на черное стекло и сказал, что от него сегодня все равно больше нет пользы. Хейл ушел раньше всех —

коротко попрощавшись и напомнив Уиткомбу, что порошок он оставил на столике у семейной лестницы.

Эшфорд остался в холле. Финч тоже не двигался.

Он допил остывший чай, поставил чашку и наконец посмотрел прямо на Эшфорда.

— Вы ведь не гость.

— Гость.

— Не в том смысле.

— Нет, — согласился Эшфорд. — Не в том.

Финч кивнул, будто получил подтверждение чему-то неприятному.

— Как он умер?

— Доктор Хейл считает, что сердце.

— Хейл. — Финч чуть нахмурился. — Это который сейчас здесь стоял?

— Да. Он лечил сэра Эдмунда четыре года.

— Понятно.

Финч посмотрел на свои руки.

— А вы?

— Что я?

— Вы тоже считаете, что сердце?

Эшфорд подумал секунду.

— Я считаю, что до утра ничего нельзя считать.

— Это не ответ.

— Нет, — сказал Эшфорд. — Но сегодня у меня других нет.

Финч почти улыбнулся. Улыбка вышла плохая.

— Он вам объяснил? — спросил он. — Зачем он всех позвал. Что он собирался сказать в субботу утром.

— Нет.

— Совсем ничего?

— Он сказал, что дело касается сорок третьего года и что оно закончилось слишком удобно. Остальное — «завтра».

— Завтра, — повторил Финч. — Да. Это очень на него похоже.

Он замолчал.

Эшфорд ждал. Он знал, что человека в таком состоянии не нужно ни о чем спрашивать. Достаточно не мешать.

— Значит, вы ничего не знаете, — сказал наконец Финч.

— Почти ничего.

— Хорошо.

Он сказал это без облегчения. Скорее как врач, который сообщает не самый плохой из возможных диагнозов.

— Хорошо? — переспросил Эшфорд.

— Да. — Финч поднял портфель с пола и прижал его к груди обеими руками. — Пока — хорошо.

Он встал.

— Мне нужно подумать до утра. Я устал, я весь день ехал, и я... — Он поискал слово и не нашел. — Мне нужно подумать.

— Мистер Финч.

— Да?

— Что у вас в портфеле?

Финч замер. Потом ответил очень аккуратно:

— Бумаги. Скучные бумаги. Банковские.

— Сэр Эдмунд просил их привезти?

— Да.

— Зачем?

— Он не сказал, — ответил Финч и сразу отвел взгляд.

Он пошел к лестнице, остановился на второй ступени и обернулся.

— Мистер Эшфорд.

— Да?

— Здесь сейчас все, кого он позвал?

— Все, кроме вас, уже спят.

— Все, — тихо повторил Финч.

Он поднялся еще на две ступени и снова остановился.

— Я расскажу вам утром, — сказал он. — Утром, при свете. Не сегодня.

— Хорошо.

— Вы не спросите почему?

— Вы все равно скажете.

Финч посмотрел на него сверху вниз — маленький, мокрый, с портфелем, прижатым к пальто.

— Потому что среди них есть человек, которого я никогда не видел в лицо, — сказал он.

И пошел наверх, к комнате номер двадцать шесть, которую приготовили для него в среду.

Эшфорд еще долго стоял в холле один. Дождь не кончался.

Из библиотечного коридора тянуло холодом — там, за подпертой стулом дверью, все еще было открыто окно, и в комнате медленно остывал человек, который завтра собирался все объяснить.

Часы у лестницы показывали без двадцати одиннадцать.

Эшфорд не стал доставать свои.

Глава 5

Показания Финча

Уиткомб нашелся в буфетной.

Он стоял у стола и укладывал в ящик серебряные приборы, снятые с накрытого к ужину стола, — по одному, аккуратно, как будто где-то в доме еще имело значение, чтобы вилки лежали ровно.

— Сэр.

— Оставьте это на минуту.

Управляющий закрыл ящик.

— Слушаю вас.

— Дверь в библиотеку подперта стулом, — сказал Эшфорд. — Стул держит дверь, но не держит людей.

— Вы полагаете, туда кто-нибудь пойдет?

— Я полагаю, что дом большой, ночь длинная, а внизу лежит человек, о котором каждый в этом доме думает по-своему.

Уиткомб не стал спорить.

— Беккет вернулся с дороги и все равно не ляжет до утра. Я посажу его в коридоре.

— Хорошо. Пусть сидит так, чтобы видеть дверь, и пусть никого не пускает. Включая меня.

— Включая вас, сэр?

— Особенно меня. Иначе завтра мне придется объяснять полицейскому, почему единственный человек, который заходил в комнату ночью, — это сыщик из Лондона.

Что-то в лице Уиткомба почти сдвинулось.

— Разумно, сэр.

— И еще. Пусть до приезда полиции из библиотеки ничего не выносят. Ни бумаги, ни посуду. Стакан со стола не мыть.

— Бокал.

— Что?

— Это бокал, сэр, а не стакан. — Уиткомб произнес это без всякого выражения. — Из набора для бренди. Шесть штук, стоят в шкафчике у стены.

— Кто-нибудь подавал сэру Эдмунду бренди сегодня вечером?

— Нет, сэр.

— Вы уверены?

— В библиотеку сегодня вечером ничего не подавали. Он ушел из столовой сам и попросил его не беспокоить. Я понес ему воду около двадцати минут десятого. — Управляющий помолчал. — По нашим часам.

— Значит, если он пил бренди, он налил его себе сам.

— Или ему налил кто-то, кого я не видел.

Уиткомб сказал это ровно, как констатируют погоду. Потом добавил:

— Мистер Эшфорд.

— Да?

— Вы считаете, что сэр Эдмунд умер не сам?

Эшфорд ответил не сразу. Ему приходилось отвечать на этот вопрос много раз, и он давно знал, что здесь важнее всего не сказать лишнего.

— Я не знаю, от чего он умер, — сказал он. — Доктор Хейл думает, что от сердца, и, возможно, он прав. Но в комнате есть три или четыре вещи, которым у меня пока нет объяснения. Пока их нет, я предпочитаю, чтобы комната оставалась такой, какая она есть.

— Это не ответ, сэр.

— Нет. Это все, что у меня есть честного.

Уиткомб чуть наклонил голову.

— Я позвоню в Пенрит еще раз.

— Скажите им две вещи. Первое: дорогу завалило окончательно, и утром они не проедут, пусть думают, как добираться. Второе: на письменном столе лежит неоконченное письмо, написанное сегодня вечером, и оно останется там, где лежит.

— Они спросят, кому оно адресовано.

— Скажите правду.

— Хорошо, сэр.

Эшфорд поднялся к себе около одиннадцати.

В номере четырнадцать камин прогорел до углей, и в комнате было прохладно. За окном по-прежнему шел дождь, ровно и без всякого намерения кончаться.

Серебряная зажигалка лежала на столе там, где он оставил ее перед ужином. Он посмотрел на нее, взял, положил обратно.

Потом сел на край кровати и некоторое время просто сидел, слушая дождь.

Внизу, в коридоре библиотечного крыла, скрипнул стул — Беккет устраивался на всю ночь. Где-то на третьем этаже закрыли дверь.

Больше в Блэкмире не было слышно ничего.

Утром дождь наконец прекратился.

Небо осталось низким и серым, но озеро впервые за сутки стало видно целиком: длинная свинцовая полоса между черными склонами, неподвижная и пустая.

Эшфорд спустился в столовую около половины девятого. Стол был накрыт как обычно.

Белая скатерть, тосты под салфеткой, чайники, масло, три вида джема, свежие приборы. Мэри принесла почту и положила ее на маленький столик у двери — два письма и газету, которая приехала из Пенрита вчера и потому была позавчерашней.

Все выглядело совершенно правильно. Не хватало только человека, ради которого этот порядок существовал.

Морган уже сидел за столом и ел так, как едят люди, которые не спали.

— Доброе утро.

— Доброе.

— Я, кажется, всю ночь слышал дождь.

— Он шел.

— Знаю. Обычно я его не слышу.

Элеанор пришла следом, села рядом с Морганом и молча взяла чай.

Потом появился Ричард.

Он остановился в дверях, посмотрел на пустое место во главе стола и сел на свой прежний стул, ближе к старому пианино в углу.

— Когда его нашли? — спросил он.

— Около половины десятого вечера, — сказал Эшфорд. — По часам отеля.

Ричард кивнул. Больше он не спросил ничего и за все утро не подошел к инструменту.

Селин Дюваль вошла уже одетой для улицы — в темном пальто, будто собиралась куда-то ехать.

— Полиция когда будет?

— Дорогу завалило, — ответил Морган. — Пока никто не приедет.

— Тогда когда?

— Никто не знает.

Она села, налила себе кофе и больше не задавала вопросов. Лицо у нее было спокойное, и Эшфорд поймал себя на том, что не может решить, что за этим спокойствием стоит. Он давно перестал делать выводы из лиц. С ними он ошибался чаще, чем с чем-либо еще.

Мисс Пенроуз спустилась, когда чай уже разлили.

Она пришла без Лорда Байрона, что само по себе было новостью, и сразу подошла не к столу, а к Вивиан, которая стояла у окна.

— Вы не завтракали.

— Я не хочу.

— Я и не спрашивала, хотите ли вы. — Пенроуз взяла со стола пустую чашку, налила в нее чай и вложила Вивиан в руки. — Держите. Не обязательно пить. Просто держите, пока разговариваете с людьми. Иначе руки видно.

Вивиан посмотрела на нее и взяла чашку обеими руками.

— Спасибо.

Через минуту она повернулась к столу.

— Я скажу коротко, — произнесла она. — Эдмунд умер вчера вечером в библиотеке. Доктор Хейл считает, что это сердце. Он говорит, что окончательно скажет врач, который приедет из Пенрита. Дорогу размыло, поэтому мы не знаем, когда это будет.

Никто не перебивал.

— Дом продолжает работать, — добавила она. — Завтрак, обед, комнаты — все как обычно. Уиткомб просил передать, что горячая вода будет в те же часы.

Она села, и Эшфорд отметил, что чашку она так и не поставила.

Томас появился в дверях столовой почти сразу после этого. Было видно, что он только что проснулся и еще не понял, почему в доме тихо.

— Что случилось? — спросил он.

Вивиан встала.

— Томас.

— Что?

Она подошла к нему и сказала несколько слов очень тихо. Эшфорд не расслышал их и не пытался.

Томас стоял на месте секунд десять. Потом сел на ближайший стул, не тот, который был его, и посмотрел на скатерть.

— Вчера, — сказал он.

— Да.

— Я с ним... — Он замолчал. — Я с ним разговаривал вчера. При всех.

— Я помню.

— Я ушел из-за стола.

— Я помню, Томас.

Он поднял голову и посмотрел на Эшфорда — почему-то именно на него.

— Он говорил обо мне что-нибудь? Потом. После того как я вышел.

Эшфорд подумал секунду. Соврать было бы легко и, наверное, добрее.

— Нет, — сказал он. — Он говорил о другом.

— О чем?

— О музыке. И о том, что пойдет работать.

Томас кивнул.

— Значит, он даже не заметил.

— Он сказал: «Завтра утром, Томас».

— Это ничего не значит.

— Возможно. — Эшфорд помолчал. — Но он собирался с вами разговаривать. Он просто хотел сделать это утром.

Томас закрыл лицо руками. Он не плакал. Он сидел так с полминуты, потом опустил руки, взял чашку и стал пить чай, и никто за столом не сказал ему ни слова, и это было правильно.

Хейл появился после Томаса.

Он выглядел ровно так, как выглядит человек, спавший четыре часа: аккуратно и утомленно.

— Доброе утро.

— Доктор.

— Леди Рэйвенкрофт, я записал ночью все, что успел осмотреть. — Он положил на край стола сложенный вдвое лист. — Это для врача из Пенрита. Он захочет знать, в каком состоянии я нашел сэра Эдмунда и во сколько.

— Благодарю.

— И еще. — Он повернулся к Эшфорду. — Вы были правы насчет окна. Я хотел его закрыть и не стал.

— Спасибо.

— Не за что. Я не следователь. Но холод в комнате сейчас скорее полезен, чем нет.

Он сказал это без всякого нажима, как говорят вещи, которые сами собой разумеются, и сел завтракать.

Финч спустился в четверть десятого.

Он выглядел лучше, чем ночью: побрился, надел чистую рубашку, но глаза остались теми же. Портфель был при нем.

Он подошел прямо к Эшфорду.

— Доброе утро.

— Доброе утро.

— Я сказал, что расскажу утром. — Финч оглядел столовую, задержался на каждом лице по очереди и снова посмотрел на Эшфорда. — Утро наступило.

— Наступило.

— Тогда где мы можем поговорить, чтобы не в коридоре?

— Уиткомб найдет комнату.

— Хорошо. — Он кивнул, как будто закрывал вопрос сам с собой. — Хорошо. Только не сейчас, дайте мне выпить чаю. У меня руки трясутся, а мне нужно будет открывать замок.

Он отошел к столу.

Вивиан подождала, пока он сядет, и подошла к Эшфорду.

— Мистер Эшфорд.

— Миледи.

— Полиция приедет неизвестно когда. К тому времени половина этого дома перепутает, кто где был. — Она говорила ровно, но чашку из рук так и не выпустила. — Вы могли бы записать, что каждый делал вчера вечером? Просто записать. Пока люди помнят.

— Могу.

— Я не прошу вас вести следствие.

— Я понимаю.

— Эдмунд позвал вас сюда зачем-то, — сказала она. — Я не знаю зачем. Но, судя по всему, не для того, чтобы вы вежливо ждали в холле.

Она отошла раньше, чем он успел ответить.

Уиткомба он позвал первым.

Они сели в малом кабинете библиотечного крыла — в комнате с письменным столом, шкафом и картами на стене. Дверь в коридор оставили открытой, и оттуда время от времени доносились шаги Беккета.

Эшфорд положил перед собой блокнот.

— Я попрошу вас об одной вещи, — сказал он. — Разделяйте.

— Что разделять, сэр?

— Три вещи. Что вы видели сами. Что вы слышали. И что вы из этого поняли.

— Обычно люди рассказывают все вместе.

— Обычно люди и путают все вместе.

— Хорошо, сэр.

Он начал с ужина. Ровно, по порядку, без единой лишней подробности: как открыл дверь сэру Эдмунду, когда тот выходил из столовой; как распорядился в баре о закрытии; как разговаривал с гостями; как около двадцати минут десятого взял поднос с водой и пошел к библиотеке.

— Стучал дважды. По три раза. Ответа не было.

— Вы видели сэра Эдмунда после того, как он вышел из столовой?

— Нет, сэр.

— Ни разу?

— Ни разу.

— То есть последний раз вы видели его живым, когда открывали ему дверь столовой.

— Да, сэр.

Эшфорд записал.

— Теперь второе. Что вы слышали.

Уиткомб подумал.

— Рояль в салоне. Голоса в баре. Мистер Рэйвенкрофт-младший в столовой — он двигал стул несколько раз. Дождь. — Он помолчал. — Из библиотеки не слышал ничего.

— А когда стучали?

— Тоже ничего.

— Хорошо. И третье. Что вы тогда подумали?

— Что он меня слышал и не ответил.

— Почему?

— Потому что он делал так и раньше, — сказал Уиткомб. — И потому что мне не хотелось думать иначе.

Эшфорд поднял глаза.

— Это очень честный ответ.

— Вы просили разделять, сэр.

Бриггс пришел через четверть часа, вытирая руки о полотенце, и сел на самый край стула, как человек, которого никогда прежде ни о чем не спрашивали.

Он подтвердил все, что Эшфорд и так знал: троих в баре, время закрытия, содовую без льда для доктора.

— Доктор Хейл долго у вас пробыл?

— Немного, сэр. Выпил стакан и ушел.

— Куда?

Бриггс подумал.

— В коридор, сэр.

— В сторону холла?

— В коридор, сэр. — Бармен помолчал. — Дальше я не видел. У меня оттуда виден только кусок ковра.

— То есть куда он пошел из холла, вы сказать не можете.

— Никак не могу, сэр.

— Спасибо. Это именно то, что мне нужно.

Бриггс посмотрел на него с некоторым сомнением, но спорить не стал.

Элеанор он нашел в салоне. Она сидела у окна с блокнотом на коленях и ничего в нем не писала.

— Один вопрос, — сказал Эшфорд.

— Задавайте.

— Вчера, когда мимо бара прошел человек, вы сказали: «Ричард».

— Сказала.

— Вы его видели?

Элеанор помолчала.

— Нет, — сказала она наконец. — Я его не видела. Я слышала, что рояль замолчал, а через минуту кто-то прошел мимо. Я решила, что это он.

— Значит, правильнее сказать: рояль замолчал, и вскоре кто-то прошел мимо бара.

— Да. — Она посмотрела на него. — Это плохо?

— Это точно. Точное всегда лучше.

— А это был не он?

— Скорее всего, он, — сказал Эшфорд. — Но «скорее всего» и «я видела» — разные вещи, и на второе полицейский обопрется, а на первое нет.

Она подумала.

— Я двенадцать раз в неделю пишу «как сообщил очевидец».

— Вот и я об этом.

К одиннадцати часам у него было исписано семь страниц блокнота, и в этих семи страницах постепенно проступала одна общая особенность.

Вечером в Блэкмире почти все друг друга слышали.

Рояль. Шаги. Дверь. Кашель. Стук. Голоса из бара. Дождь.

Но почти никто никого не видел.

Дом был устроен так: длинные коридоры, мало ламп, толстые ковры, лестница, поднимающая звук через все этажи. Здесь легко было знать, что человек прошел, и почти невозможно поручиться, что это был именно тот человек.

Эшфорд перечитал записи и провел черту под последней строкой.

Пока это означало только одно: свидетельств меньше, чем кажется. Дальше он думать не стал.

Комнату для разговора Уиткомб отвел им в конце коридора — небольшую, с двумя креслами, столом и окном на озеро.

Финч сел так, чтобы видеть дверь. Портфель он поставил у ножки кресла, с той стороны, где сидел сам.

— Начнем с вчерашнего, — сказал Эшфорд. — Вы сказали одну фразу, и я хочу понять ее правильно. «Среди них есть человек, которого я никогда не видел в лицо». Откуда вы это знаете?

Финч открыл рот и закрыл.

— Я не знаю, — сказал он.

— Вчера вы говорили увереннее.

— Вчера я весь день ехал под дождем и узнал в дверях, что человек, к которому я ехал, умер. — Он потер лоб. — Я не знаю. Мне так сказал Эдмунд.

— Когда?

— В среду. По телефону. — Финч заговорил быстрее. — Он сказал, что собирает у себя людей, связанных с одним старым делом, и что в этот раз он получит ответ. Он именно так

сказал: «в этот раз». Я спросил, кого он зовет. Он не назвал никого. Сказал только, что тот человек, скорее всего, придет.

— Скорее всего.

— Да.

— То есть Эдмунд не был уверен.

— Не был. — Финч посмотрел на свои руки. — А я приехал так, будто был. Вот и все мое знание, мистер Эшфорд. Я повторил чужую уверенность, потому что мне было страшно.

Эшфорд кивнул и не стал этого записывать.

— Хорошо. Теперь сорок третий год.

Финч вздохнул.

— Да.

— Кем вы были тогда?

— Тем же, кем сейчас. Поверенный по финансовым делам. Небольшая контора в Лондоне, старые клиенты, немного земли, немного доверительных фондов. Скучная работа, и я, представьте, ее люблю.

— Как вы познакомились с сэром Эдмундом?

— Через семью. — Финч чуть помедлил. — Я много лет вел дела одной семьи, с которой Рэйвенкрофты были связаны. Он знал меня как человека, который умеет молчать и не путается в бумагах.

— Что он попросил вас сделать?

Финч посмотрел в окно.

— В феврале сорок третьего он попросил меня оформить перевод денег.

— Больших?

— Достаточно больших, чтобы этим заинтересовались, если бы узнали.

— Куда?

— В Лиссабон. Оттуда дальше. Куда дальше — я не знаю и не хотел знать.

— Это было законно?

Финч довольно долго молчал.

— Нет, — сказал он. — Не совсем. Во время войны на такие переводы существовали правила, и мы их обошли. Не ради выгоды. Эдмунд объяснил, что деньги нужны, чтобы вывезти людей из Франции.

— Вы поверили?

— Я знал его двадцать лет.

— Это не ответ на мой вопрос.

— Я поверил, — сказал Финч. — И до сих пор верю. Но я оформил перевод, который не имел права оформлять, и подписал бумаги, которые в тридцать девятом году сжег бы, не читая.

Он вытер ладони о колени.

— А потом начались указания.

— От сэра Эдмунда?

— Не от него. — Финч поднял глаза. — Вот это и есть самое главное, мистер Эшфорд. Эдмунд дал деньги и первое поручение. Все остальное — суммы, даты, куда именно и когда — я получал не от него.

— От кого?

— От человека, который звонил мне по телефону.

Эшфорд отложил карандаш.

— Как часто?

— Раз пять или шесть за три месяца. Всегда вечером, всегда в контору, а не домой.

— Он называл себя?

— Никогда. Он говорил: «по поручению». И называл номер счета, чтобы я понимал, что это не случайный человек.

— Вы его видели?

— Ни разу. — Финч чуть подался вперед. — Я спрашивал Эдмунда, кто это. Он сказал: «Так лучше для всех». Я тогда решил, что это кто-то из военных.

— И что Эдмунд знает, кто это.

— Конечно. — Финч помолчал. — Хотя, если разобраться, он этого не говорил. Он сказал, что так лучше. Это не то же самое, что «я знаю». Я услышал то, что было проще услышать.

— Что вы помните о голосе?

— Немного.

— Все равно.

— Английский, — сказал он наконец. — Без акцента. Не молодой. Говорил вежливо и коротко, никогда не повторял дважды. — Он развел руками. — Мистер Эшфорд, прошло шесть лет. Я не помню, как звучал голос человека, с которым разговаривал в прошлый вторник.

— Это нормально.

— Правда?

— Голос незнакомца, услышанный несколько раз по телефону шесть лет назад, почти невозможно вспомнить надежно, — сказал Эшфорд. — На вашем месте я бы не доверял себе, даже если бы вспомнил.

Финч посмотрел на него внимательно, но переспрашивать не стал.

— Почему вы сохранили бумаги? — спросил Эшфорд.

— Потому что я трус, — сказал Финч просто. — Если бы после войны кто-нибудь пришел ко мне с вопросами, я хотел иметь возможность показать, что деньги ушли туда, куда сказал Эдмунд, а не ко мне в карман.

— И почему он попросил привезти их сейчас?

— Он позвонил девять дней назад. — Финч поправился: — Нет. Десять. И сказал: привезите все, что осталось от сорок третьего. Особенно то, где есть даты.

— Даты?

— Он повторил это дважды. «Особенно даты».

Эшфорд записал это слово и обвел его.

— Мистер Финч.

— Да?

— Покажите.

Финч посмотрел на портфель, потом наклонился, поднял его на колени и положил ладонь на замок.

— Он не мой, — сказал он.

— Портфель?

— Портфель. — Финч усмехнулся коротко и невесело. — Это его портфель. Эдмунда. Он привез мне бумаги в нем в сорок третьем и не забрал обратно. Шесть лет стоял у меня в конторе под столом. Я подумал... — Он пожал плечами. — Не знаю, что я подумал. Что верну.

Он открыл замок. Внутри лежала аккуратная стопка — не архив, а именно стопка, дюйма в два толщиной, переложенная картоном.

Финч достал два верхних листа и положил их на стол.

Первый был банковский: плотная бумага, штампы, машинописные строки, дата — двенадцатое февраля тысяча девятьсот сорок третьего года, — сумма, номер счета в Лиссабоне и подпись, в которой Эшфорд с некоторым трудом разобрал знакомую твердую букву «Р».

— Это оригинал?

— Копия конторы. Оригинал ушел в банк.

— У вас все сохранилось?

— Нет. — Финч ответил сразу, и это Эшфорду понравилось. — Часть я уничтожил в сорок пятом. То, где были только суммы и никаких имен. Оставил то, что при необходимости объясняло бы мою роль.

— Кому вы показывали эти бумаги после войны?

— Никому. Ни одному человеку. — Финч поднял глаза. — Эдмунду я собирался показать вчера.

Эшфорд взял второй лист. Это была не банковская форма, а обычная сопроводительная записка — половина листа тонкой бумаги, машинописный текст в три строки: подтверждение получения, номер того же счета и дата — восемнадцатое февраля тысяча девятьсот сорок третьего года.

Внизу, под текстом, стояли две буквы, написанные от руки чернилами.

Е.М.

Эшфорд не поднял головы. Он дочитал три строки до конца, вернулся к началу и прочитал их еще раз, уже не понимая ни одного слова.

Потом наклонил лист к свету от окна и стал рассматривать буквы. Перо было тонкое. «Е» с легким наклоном вправо, «М» с чуть заниженной средней частью.

Наверху, в четырнадцатом номере, на столе лежала серебряная зажигалка с такими же двумя буквами на крышке.

Это ничего не значило. Инициалы — не имя, а совпадений на свете больше, чем людей.

Комната была совершенно тихой.

— Мистер Эшфорд?

— Секунду.

Он положил записку на стол, ровно рядом с банковским листом.

— Эти инициалы, — сказал он. — Кто их поставил?

— Я не знаю.

— Как она к вам попала?

— Эту привез курьер. Всего таких записок было три: две привезли курьеры, третья пришла вместе с другими бумагами из банка.

— Сколько сохранилось?

— Все три. Они здесь. — Финч положил ладонь на портфель. — Их я не трогал. Там были буквы, а я уничтожал только то, где не было ничего, кроме сумм.

— И вы никогда не спрашивали, кто это?

— Спрашивал. — Финч смотрел на него уже настороженно. — Эдмунд сказал: «Человек, который принимает деньги на той стороне». Больше ничего.

— На той стороне — это во Франции?

— Я так понял. Но он этого не говорил.

— Еще один вопрос, и подумайте, прежде чем ответить. Человек, который звонил вам по вечерам, и человек, который поставил эти буквы, — это один человек?

Финч открыл рот и остановился.

— Я всегда считал, что один.

— Почему?

— Потому что и звонки, и записки шли по одному делу. — Он подумал. — Но мне этого никто не говорил. Ни Эдмунд, ни тот, кто звонил. Я просто сложил их вместе, потому что так было удобнее держать все в голове.

— Значит, это ваше предположение.

— Да, — сказал Финч. — Мое.

— Хорошо. Тогда о том, кто поставил буквы. Мужчина или женщина?

— Я... — Он растерянно моргнул. — Я всегда думал, что мужчина. Но, знаете, я не могу вспомнить, чтобы кто-нибудь мне это сказал.

Эшфорд кивнул.

— Вам плохо? — спросил Финч.

— Нет.

— Вы очень странно смотрите на эту бумажку.

— Я смотрю на нее ровно столько, сколько она того стоит, — сказал Эшфорд.

Он достал блокнот и переписал в него дату банковского документа, сумму, номер счета в Лиссабоне, дату записки и все три ее строки. Инициалы он срисовал так, как они стояли на бумаге, вместе с точками.

Потом положил обе бумаги обратно в портфель сам, аккуратно, не переворачивая, и закрыл замок.

— Портфель останется у вас, — сказал он. — Держите его при себе и никому не показывайте, включая меня, пока я не попрошу при свидетелях.

— Вы мне не доверяете?

— Я не доверяю тому, как это будет выглядеть потом.

Финч подумал и кивнул.

— Разумно.

Он взял портфель, встал и у двери обернулся.

— Мистер Эшфорд.

— Да?

— Эти две буквы вам что-то говорят?

Эшфорд смотрел на пустой стол, где еще минуту назад лежала записка.

— Пока не знаю, — сказал он. — Но я собираюсь это выяснить.

Глава 6

Первое марта

— Мистер Финч.

Финч уже взялся за ручку двери.

— Да?

— Вы сказали, что записок три.

— Три.

— Вы показали одну.

Финч постоял, не оборачиваясь, потом все-таки повернулся.

— Показал.

— Я хотел бы посмотреть остальные две.

— Вы сами сказали: не показывать никому, включая вас, пока вы не попросите при свидетелях.

— Правильно, — согласился Эшфорд. — Я и прошу при свидетелях. Свидетеля только надо позвать.

Финч посмотрел на портфель у себя под мышкой, будто спрашивал у него разрешения.

— Кого?

— Мисс Блейк.

— Она журналистка.

— Она журналистка, которая уже двенадцать часов ничего не записывает, — сказал Эшфорд. — Мне нужен человек, который потом сможет подтвердить полицейскому, какие именно бумаги вы мне показывали и что из них я переписал. Иначе через неделю выйдет, что мы с вами вдвоем сидели в закрытой комнате над документами покойного.

Финч медленно опустил портфель.

— А если она напишет об этом?

— Спросите ее сами.

Элеанор пришла через пять минут. Она выслушала, посмотрела на портфель, потом на Финча.

— Условия ваши, — сказала она. — Назовите.

— Ничего не публиковать.

— Пока полиция не закончит?

— Пока я не разрешу, — сказал Финч и сам, кажется, удивился твердости собственного голоса.

Элеанор подумала.

— Хорошо. Ничего не публикую, пока вы не разрешите. Если вы не разрешите никогда, значит, никогда.

— Вы соглашаетесь слишком легко.

— Я соглашаюсь на условие, которое мне поставили, — сказала она. — Легко получилось потому, что я не собираюсь его нарушать.

— Хорошо, — сказал Финч.

Элеанор села с краю стола и достала блокнот.

— Я записываю, что вы показываете и что переписывает мистер Эшфорд. Больше ничего.

— Договорились.

Она подняла глаза на Эшфорда.

— Вы сегодня другой.

— В каком смысле?

— Вчера вы шутили примерно раз в четыре реплики. Сегодня ни разу.

— Вчера было о чем.

— Вот и я о том же, — сказала она и открыла блокнот.

Финч поставил портфель на стол и достал два оставшихся листа. Эшфорд сдвинул в сторону чернильницу и разложил все три записки в ряд.

Они были одинаковые: половина листа тонкой бумаги, три машинописные строки, подпись от руки внизу. Он положил рядом банковские листы.

— Давайте по порядку.

Первый перевод — двенадцатое февраля сорок третьего года.

Подтверждение получения — восемнадцатое февраля.

Е.М.

Второй перевод — девятнадцатое марта.

Подтверждение — двадцать четвертое марта.

Е.М.

Эшфорд задержался на этом листе дольше, чем на первом.

Третий перевод — тридцатое апреля.

Подтверждение — шестое мая.

Е.М.

Он вернулся к первому листу, посмотрел на него еще раз и положил руки на стол.

— Мистер Финч.

— Да?

— Эти даты на записках. Это дата, которой их пометил тот, кто писал? Или дата, когда они попали к вам в контору?

— Первое. — Финч ответил без запинки; было видно, что этот вопрос он себе задавал сам. — Это дата, которую ставил отправитель. Мы отмечали поступление отдельно, в журнале.

— Журнал сохранился?

— У меня — нет. В архиве нашей конторы. Старые журналы отвезли туда в сорок шестом.

— То есть они целы.

Финч моргнул.

— Должны быть целы. Я об этом как-то не думал.

— Их можно найти?

— Можно. По году и номеру дела.

— Свяжитесь с конторой, — сказал Эшфорд. — Пусть найдут журналы и проверят даты поступления этих трех записок. Там будет то, чего у нас сейчас нет вовсе.

Элеанор записала: «журналы конторы Финча за сорок третий год — даты поступления».

— А пока?

— А пока, когда именно каждая записка легла вам на стол, вы сказать не можете.

— Не могу. — Финч подумал. — Помню только, что приходили они не сразу. Неделя, две. Иногда больше.

— Хорошо. Дальше. Чем подтверждаются даты самих переводов?

— Вот этим. — Финч разложил банковские листы, как карты. — Февральский — поручение и копия распоряжения. Мартовский и апрельский — то же самое, плюс подтверждения исполнения из банка. Они пришли позже, когда деньги ушли.

— Разница между поручением и подтверждением исполнения — какая?

— Поручение — это то, что я велел банку сделать. Подтверждение — это то, что банк сделал. — Он усмехнулся невесело. — В моем деле это две очень разные бумаги. Я их сохранил, потому что первая говорит, что я велел, а вторая — что не я один.

— Каждая записка относится к отдельному платежу?

— Да.

— Как вы связывали конкретную записку с конкретным платежом?

— По номеру счета и по сумме. В каждой записке подтверждают получение определенной суммы. Они совпадают с переводами. — Финч показал пальцем, не касаясь бумаги. — Вот. Февраль. Март. Апрель.

Эшфорд посмотрел. Совпадали.

Элеанор писала, не поднимая головы. Потом она все-таки подняла.

— Можно вопрос?

— Нужно, — сказал Эшфорд.

— А могли записки быть написаны заранее? — Она посмотрела на Финча. — Скажем, все три сразу, а привезли их потом, по одной.

— Это возможно, — сказал Эшфорд. — Поздняя доставка сама по себе ничего бы не объясняла: записка подтверждает получение конкретной суммы по конкретному переводу, а переводы были в марте и в апреле. Но заранее подписанную расписку это не исключает.

— Тогда что нужно?

— Выяснить, когда определяли суммы. — Он повернулся к Финчу. — Они менялись?

— Менялись. Мартовская была вдвое меньше февральской.

— И вам ее назвали по телефону.

— Да.

— За сколько дней до перевода?

— За день. Иногда в тот же вечер.

— Это значит, что вы узнали сумму за день, — сказал Эшфорд. — А не то, что за день до этого ее не знал тот, кто вам звонил. Пока мы знаем только, когда суммы сообщили вам.

Элеанор записала и это.

Эшфорд снова опустил взгляд на три листа.

Восемнадцатое февраля.

Двадцать четвертое марта.

Шестое мая.

Он молчал, наверное, полминуты.

— Мистер Эшфорд, — сказал Финч. — Что не так?

Эшфорд отодвинул стул от стола, чтобы видеть обоих.

— Человека, у которого были такие инициалы, звали Этьен Моро.

Элеанор перестала писать.

— Вы его знали? — спросила она.

— Знал.

— Он француз?

— Француз. Он занимался тем же, для чего сэр Эдмунд посылал деньги: людьми, которых нужно было вывезти из Франции. — Эшфорд помолчал. — Я работал с ним в сорок втором и сорок третьем. Финансовой стороны я не знал вовсе. Я даже не знал, что там были английские деньги.

— И что с ним стало? — спросил Финч.

— Он погиб.

— Когда?

— Первого марта сорок третьего года, — сказал Эшфорд. — Я был рядом.

Он помолчал.

— У меня от него осталась зажигалка. С этими самыми буквами на крышке.

В комнате стало очень тихо.

Он не собирался ничего рассказывать. Он просто на секунду перестал держать это на расстоянии, и оно тут же оказалось ближе, чем следовало.

Ферма стояла в трех милях от дороги, и печь в ней топили сырыми дровами, так что дым шел в комнату и оба они всю ночь кашляли и ругались. Моро сидел на полу у стены и чистил яблоко перочинным ножом — одной длинной спиралью, не отрывая кожуры, и очень сердился, когда она рвалась. Он говорил, что это единственное, что он умеет делать по-настоящему хорошо.

Он говорил по-английски медленно, с длинными паузами перед трудными словами, и в этих паузах слышно было, как он про себя проверяет грамматику. Голос был низкий, чуть сиплый от табака и дыма.

Зажигалку Эшфорд взял у него за три недели до того. Свою он посеял, а Моро бросил ему свою через стол и сказал: «Вернешь в Лондоне». Никакой торжественности не было и в помине; они оба тогда были совершенно уверены, что Лондон будет.

Первого марта они шли от фермы к дороге, порознь, метрах в тридцати друг от друга — так было положено.

Дальше Эшфорд помнил четыре или пять секунд, о которых не рассказывал никому.

Он помнил голос.

И совершенно не помнил лица.

Он много раз потом пытался собрать его заново — темные волосы, улыбку, глаза, которые в одном воспоминании были серыми, а в другом карими, — и каждый раз получался другой человек. Это была не забывчивость. Это было устройство его собственной головы, с которым он прожил всю жизнь и которое впервые в жизни показалось ему подлостью.

Голос остался. Голос он мог бы узнать через двадцать лет из соседней комнаты.

Лица не было.

— Мистер Эшфорд.

Он поднял голову.

Финч смотрел на него без всякого любопытства — скорее с тем осторожным сочувствием, с каким смотрят на человека, у которого только что что-то отняли, хотя он этого и не показывает.

— Простите, — сказал Эшфорд. — Я слушаю.

— Я спросил, уверены ли вы.

— В дате?

— В том, что он погиб.

— Уверен, — сказал Эшфорд. — Я не читал об этом в отчете и не узнал его на плохой фотографии. Я разговаривал с ним за полчаса до этого, находился в тридцати метрах, а потом подошел и оставался с ним до конца. Это заняло около четверти часа.

Финч медленно перевел взгляд на разложенные листы.

— Двадцать четвертое марта, — сказал он. — Шестое мая.

— Да.

— Он не мог их подписать.

— Если речь о Моро, то в указанные даты — не мог. Но подпись могла появиться раньше.

Финч поднял голову.

— В каком смысле «если»?

— В прямом. — Эшфорд положил ладонь рядом с первой запиской, не касаясь ее. — Две буквы — это не имя. Этьен Моро, Эмиль Мартен, Элизабет Марш, эдинбургский банк «Э. и М.». Я знал человека с такими инициалами, и он имел отношение к тому же делу. Это причина проверить, а не вывод.

— Но вы побледнели, когда увидели вторую дату, — сказала Элеанор.

— Побледнел.

— И?

— И это тоже не доказательство, — сказал Эшфорд. — Особенно мое.

Он посмотрел на три подписи. Они были похожи. Все три — тонким пером, все три с той же наклоненной вправо «Е». Он смотрел на них минуту, потом отодвинулся.

— Мисс Блейк, вы разбираетесь в почерках?

— Нет.

— Я тоже. Я вижу, что они похожи, и это ровно ничего не значит. Похоже пишет половина Европы, а человек, который хотел бы, чтобы было похоже, постарался бы. Здесь нужен эксперт и нужен образец настоящей руки Моро, а у меня его нет.

— У вас есть зажигалка, — сказала Элеанор.

— На зажигалке гравировка. Ее делал мастер, а не он.

Он снова придвинул стул к столу.

— Теперь другое, мистер Финч. Мартовский и апрельский переводы. На чем распоряжении они основывались?

Финч потер лоб.

— На первоначальном.

— То есть на февральском разрешении сэра Эдмунда.

— Да.

— Он подтверждал каждый перевод отдельно?

— Нет.

— Вы его спрашивали?

— Нет. — Финч сказал это ровно и не стал ничего смягчать. — Не спрашивал ни разу. Он дал деньги и сказал, что указания будут приходить. Указания приходили. Я считал, что это то же самое поручение, только по частям.

— Вы могли позвонить ему и спросить.

— Мог. — Финч посмотрел на свои руки. — Я говорил себе, что телефон — не место для таких разговоров, что человек занят, что он сам велел не тревожить его по мелочам. Это все правда, мистер Эшфорд. И все это неважно. Я просто не позвонил. Три раза не позвонил.

Элеанор перестала писать и опустила карандаш.

— Что вам говорили о назначении денег? — спросил Эшфорд.

— Что нужно то же самое. Иногда — что нужно быстрее.

— Точные слова помните?

— Нет, — сказал Финч. — Не помню, и не буду делать вид. Прошло шесть лет. Общий смысл был такой: продолжаем, срочно, сумма такая-то, счет тот же.

— Вы записывали эти разговоры?

— Только цифры. Сумму, счет, дату. — Он полез в портфель и вытащил сложенный вчетверо листок из блокнота, потертый на сгибах. — Вот. Здесь три записи моей рукой. Больше ничего.

Эшфорд развернул листок. Три строчки. Даты, суммы, номер счета. Никаких имен.

Он переписал их в блокнот, а Элеанор записала, что он их переписал.

— Мистер Финч, — сказал он. — Сэр Эдмунд просил привезти все, где есть даты. Он повторил это дважды.

— Да.

— Кажется, я начинаю понимать, что он хотел посмотреть.

— Что?

— Не сколько ушло денег и не куда. — Эшфорд положил ладонь на три записки. — А до какого числа все это оставалось тем, чем он его считал.

Финч смотрел на него, не понимая, потом понял, и лицо у него стало нехорошим.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать очень немного, — перебил Эшфорд. — Я знаю, что человек с такими инициалами, которого знал я, умер первого марта. Я не знаю, его ли это инициалы на бумагах.

Я не знаю, кто писал эти две записки. Я не знаю, кто в действительности получал деньги в марте и в апреле. И я не знаю, знал ли человек, который звонил вам по вечерам, что тот, от чьего имени он говорит, к тому времени уже мертв.

— Но кто-то ведь получал, — сказала Элеанор.

— Кто-то получал.

Она подумала.

— Значит, первым делом нужно понять не почерк, а другое. Был ли ваш Моро вообще связан с этой цепочкой. Иначе вы шесть лет спустя строите все на двух буквах и на том, что вам их больно видеть.

— Совершенно верно, — сказал Эшфорд.

— Как это проверяется?

— Обычно — через людей, которые вели ту работу, и через банк на той стороне. Это письма, запросы и полгода времени. — Он взглянул на окно, за которым лежало серое озеро. — А у нас перекрытая дорога и один телефон.

— Телефон уже кое-что, — сказала Элеанор.

Они сверили записи. Это заняло минут двадцать: даты переводов, даты записок, суммы, номер счета, три строки на потертом листке. Элеанор читала вслух, Эшфорд сверял со своим блокнотом, Финч подтверждал. Ошиблись дважды — оба раза в номере счета, оба раза Элеанор.

— Извините.

— Не извиняйтесь. Для того и сверяем.

Потом бумаги вернулись в портфель. Финч застегнул его и некоторое время сидел, положив на него обе ладони.

— Мистер Эшфорд.

— Да?

— Скажите мне одну вещь прямо. — Он поднял глаза. — Может так оказаться, что я три месяца отправлял деньги людям, которые обманывали Эдмунда и меня?

Эшфорд не стал отвечать сразу. Он знал два способа отвечать на такие вопросы, и первый — обещать, что все, скорее всего, объяснится, — всегда работал лучше и всегда потом оказывался хуже.

— Может, — сказал он.

Финч кивнул, как будто именно этого и ждал.

— Хорошо.

— Может оказаться и другое, — добавил Эшфорд. — Что деньги дошли туда, куда должны были, а записки писал человек, которому просто велели подписывать чужими инициалами, потому что настоящее имя нельзя было ставить на бумагу. Так тоже делали, и довольно часто.

— Вы в это верите?

— Я хочу увидеть банк на той стороне.

Финч встал.

— Вы позовете меня, когда понадобится?

— Позову. И еще одно. — Эшфорд поднялся тоже. — Не рассказывайте про эти даты никому.

— Кроме вас и мисс Блейк.

— Кроме нас.

— А если полиция?

— Полиции — все, — сказал Эшфорд. — Полиция за дорогой. Здесь — никому.

Финч ушел, прижимая портфель к боку.

Элеанор осталась сидеть у стола. Она закрыла блокнот и постучала по нему карандашом.

— Можно замечание не для протокола?

— Валяйте.

— Сегодня утром вы расспрашивали всех очень медленно. Уиткомба, Бриггса, меня. Вы даже мне объясняли разницу между «я видела» и «я решила».

— И?

— А когда заговорили о Моро, стали торопиться, — сказала она спокойно, без всякого нажима.

Эшфорд сел на край стола.

— Верно.

— Я не в упрек.

— Я знаю. — Он немного помолчал. — Это и есть та часть работы, которую невозможно сделать хорошо. Человек, который умер, был мне не безразличен, и теперь я буду смотреть на все бумаги в этом доме через него. Единственное, что я могу с этим сделать, — сказать об этом вслух при свидетеле и попросить свидетеля меня одергивать.

— Это официальная просьба?

— Вполне.

— Тогда начну сейчас, — сказала Элеанор. — Сэр Эдмунд умер вчера в библиотеке. А мы с вами все утро возвращаемся к сорок третьему году.

— Возвращаемся.

— Одно связано с другим?

— Не знаю, — сказал Эшфорд. — Но он позвал сюда именно этих людей и просил привезти именно эти бумаги. И умер накануне разговора, ради которого все это затевал.

Он взял со стола блокнот.

— Пойдемте. Мне нужно спросить кое-что про бренди.

Уиткомба они нашли в холле. Дверь в библиотечный коридор была закрыта; на стуле возле нее сидел Беккет, и вид у него был как у человека, который твердо решил не иметь ко всему этому никакого отношения.

— Комнату никто не открывал, сэр, — сказал Уиткомб. — Я меняю Беккета в час.

— Хорошо. Мне нужны вы и Мэри. И, если возможно, леди Рэйвенкрофт.

Вивиян спустилась через несколько минут. Она была уже не в халате, а в темном платье, и Эшфорд отметил, что за утро она стала выглядеть не лучше, а собраннее — это разные вещи, и вторая обычно дороже стоит.

Мэри пришла с Уиткомбом и остановилась в двух шагах позади него.

— Мэри, — сказал Эшфорд. — Вчера вы убрали в библиотеке?

Девушка посмотрела на управляющего.

— Отвечайте, — сказал Уиткомб.

— Убирала, сэр. Перед ужином.

— Что именно вы делали?

— Вымела золу, положила дров. Поменяла воду в графине. Убрала со стола посуду. — Она подумала. — Пепельницу вынесла.

— Какую посуду вы убрали?

— Чашку и блюдо. Сэр Эдмунд пил чай днем.

— А бокалы?

— Бокалов не было, сэр.

— Вы уверены?

— Стол был пустой, — сказала Мэри. — Я его протирала. Если бы стоял бокал, я бы его унесла.

— Во сколько это было?

Мэри растерялась.

— Не знаю, сэр. Перед ужином. Я на часы не смотрела.

— Хорошо. Спасибо. Это важнее, чем вам кажется.

Она посмотрела на него с недоверием и отошла.

Эшфорд повернулся к Вивиан.

— Еще один вопрос, и он глупый.

— Задавайте глупый.

— Если сэр Эдмунд не пил бренди, зачем оно стояло в библиотеке?

Вивиан ответила сразу:

— Для гостей.

— В библиотеке?

— Он там принимал людей, — сказала она. — Управляющего банка, арендаторов, соседей, которым что-нибудь нужно. Не вести же их в бар. В шкафчике всегда стояли бренди, виски и портвейн, и Эдмунд наливал гостю, а себе брал шерри. — Она чуть повела плечом. — Он говорил, что человек, который пьет один, выглядит либо несчастным, либо хозяином положения, и что второе полезнее.

Уиткомб едва заметно кивнул, подтверждая.

Эшфорд посмотрел на закрытую дверь коридора. Он вспомнил комнату такой, какой увидел ее ночью: отодвинутое кресло, трость у ножки стола, лампа, письмо и маленький толстостенный бокал с остатком темного на дне.

И вспомнил, как сам подумал тогда: он пил бренди. Именно так — он.

Никто этого не говорил. Ни Хейл, ни Уиткомб, ни он сам вслух. Просто бокал стоял рядом с мертвым человеком, и все, включая Эшфорда, отнесли его к мертвому человеку, потому что больше отнести было не к кому.

— Уиткомб.

— Сэр?

— Вчера ночью я спросил вас, подавали ли сэру Эдмунду бренди. Вы ответили, что в библиотеку ничего не подавали.

— Так и было, сэр.

— А теперь скажите мне вот что. Из бокала, который стоит на его столе, пил сэр Эдмунд? Впервые за все это время у Уиткомба не нашлось готового ответа.

— Я не знаю, сэр, — сказал управляющий наконец.

— И я не знаю, — сказал Эшфорд. — И это, пожалуй, единственное, что мы с вами сегодня установили точно.

Вивиан смотрела на него.

— Вы думаете, у него кто-то был.

— Я думаю, что бокал в комнате один, — сказал Эшфорд. — Это может значить, что человек пил в одиночестве. А может значить, что после ужина к нему кто-то заходил, и этому кому-то налили.

— И бокал остался от него?

— Может быть. Тогда сэр Эдмунд налил гостю и не пил сам. Я не знаю, миледи, и не хочу гадать при вас.

Вивиан помолчала.

— Дверь была заперта изнутри, — сказала она.

— Была.

— Значит, если кто-то заходил, он вышел до того, как Эдмунд ее запер.

— Если дверь запер сам сэр Эдмунд после того, как гость ушел, то да, — сказал Эшфорд.

— Такая последовательность возможна.

Он услышал, как это прозвучало, и на секунду остановился.

Со вчерашней ночи он спрашивал себя, был ли в комнате второй человек. Это был правильный вопрос, но пустой: спрашивать было не о чем и некого.

Теперь на столе стоял бокал, из которого, возможно, пил не хозяин.

Это ничего не объясняло — ни письма, ни окна, ни того, отчего умер сэр Эдмунд Рэйвенкрофт.

Но это давало вопрос, который стоило задать каждому в доме.

Не «где вы были в половине десятого».

А «заходили ли вы вчера вечером в библиотеку».

Глава 7

Посетитель библиотеки

В час дня Уиткомб сменил Беккета у библиотечного коридора.

Он принес свой стул из буфетной, поставил его так, чтобы видеть и дверь, и половину холла, и сел с той же прямой спиной, с какой стоял у дверей столовой. Никакого нарушения порядка в этом, по всей видимости, не было. Просто сегодня его место было здесь.

В четверть второго, когда подали обед, его сменил Бриггс — в баре все равно было некому наливать. Уиткомб проследил, как тот усаживается, и только после этого ушел в столовую.

Ели молча и быстро. Морган попросил вторую порцию, Пенроуз забрала со стола кусок мяса для Байрона и не стала объяснять зачем, Селин Дюваль спросила у Уиткомба, не звонили ли из Пенрита, и получила ответ, что звонили: полиция ищет способ добраться со стороны Кесвика и просит подождать.

Ричард не спустился вовсе.

После обеда Эшфорд остановил Уиткомба у лестницы.

— Мне нужна ваша память.

— Она в вашем распоряжении, сэр.

— Вчера после ужина. Кого вы видели в библиотечном коридоре или рядом с ним?

Уиткомб ответил не сразу — не потому, что колебался, а потому, что действительно вспоминал.

— Себя, — сказал он. — В двадцать минут десятого, с водой.

— Кого-нибудь еще?

— Нет, сэр. Но я и не мог никого видеть. Я был в буфетной, в столовой и в баре. Из этих трех мест библиотечный коридор не виден.

— Кто мог его видеть?

— Тот, кто был в холле. Или тот, кто сам туда заходил.

— Прислуга?

— Мэри убиралась наверху. Миссис Прайс не спускалась. — Уиткомб подумал. — Джордж собирал посуду.

— Где?

— Везде, где ее оставили. Сэр Эдмунд имел привычку пить чай в малом кабинете и оставлять чашку там.

— Позовите его после того, как он закончит с обедом. И еще: попросите мистера Рэйвенкрофта-младшего зайти в малый кабинет через полчаса.

— Разумеется, сэр.

Уиткомб не спросил, почему первым. Эшфорду это понравилось, хотя ответ был вполне простой. Вчера за столом Томас громко потребовал разговора с дядей, получил отказ, вышел и отсутствовал большую часть ужина. С кого-то следовало начинать, и порядок здесь диктовало не подозрение, а арифметика.

В холле Финч заканчивал разговор по телефону. Он говорил громко, как говорят люди, не доверяющие проводам:

— Нижняя полка, за коробками с закладными... Да... Сорок третий, три журнала, они переплетены вместе... Мне нужны даты поступления, Уилкинс, только даты... Нет, не завтра. Сегодня. Я подожду у аппарата, сколько понадобится.

Он повесил трубку и повернулся к Эшфорду.

— Уилкинс пошел искать. Это может занять два часа, а может и весь день. Он человек добросовестный, но медленный.

— Пусть медленный.

— Я велел ему не выписывать ничего, кроме дат.

— Правильно.

Финч потоптался.

— Мистер Эшфорд.

— Да?

— Если окажется, что записки пришли... — Он не договорил. — Впрочем, ладно. Сначала пусть найдет.

Он ушел в кресло у камина и сел так, чтобы видеть телефон.

Томас пришел в малый кабинет злой. Это было видно еще до того, как он открыл рот: по тому, как он вошел, как посмотрел на Элеанор, сидевшую с блокнотом у стены, как остался стоять, хотя стул стоял прямо перед ним.

— Меня допрашивают?

— Вас просят помочь восстановить вчерашний вечер, — сказал Эшфорд. — Как и всех остальных.

— Всех остальных вы еще не спрашивали.

— Спрошу.

— Но начали с меня.

— Начал.

Томас все-таки сел.

— Прекрасно.

— Вчера вы вышли из столовой во время рыбы, — сказал Эшфорд. — Расскажите, что вы делали до того, как вернулись.

— Я поднялся к себе.

— В комнату двадцать пять?

— В комнату двадцать пять. — Он произнес номер с нажимом. — Я сидел там. Один. Приводил себя в порядок, если хотите знать. После того как тебе при десяти незнакомых людях объясняют, что ты пришел за деньгами, хочется побыть одному.

— Сколько вы там пробыли?

— Не знаю. Полчаса. Я не смотрю на часы, когда мне противно.

— Кто-нибудь вас там видел?

— Кто меня мог видеть? Я был у себя.

— Вы кого-нибудь встретили, пока поднимались или пока возвращались?

— Никого я не встретил.

— Хорошо. Что было потом?

— Потом я спустился и сел за стол. Дяди уже не было. Мне сказали, что он в библиотеке. Эшфорд сделал в блокноте короткую пометку.

— Томас, — сказал он. — Между тем, как вы вышли из столовой, и тем, как вернулись, вы заходили к сэру Эдмунду?

Ответ пришел сразу, без всякой паузы:

— Нет.

— Не подходили к библиотеке? Не стучали в дверь?

— Нет. — Томас откинулся на спинку стула. — Я целый день перед этим искал случая с ним поговорить, а он мне при всех сказал: завтра. После такого не идут стучаться. После такого идут вверх и сидят.

— Понятно.

— Что вам понятно?

— То, что вы сказали, — ответил Эшфорд. — Пока только это.
Он закрыл блокнот. Томас посмотрел на него с недоверием, но встал.
— Все?

— Пока все.

— Значит, я свободен.

— Вы и не были заперты.

Уже у двери Томас обернулся.

— Послушайте. Я знаю, как это выглядит. Долги, ссора, наследство. Я об этом сегодня утром думал раньше вас. — Он помолчал. — Но он был мой дядя. Он растил меня с одиннадцати лет и был при этом сволочью, но он был мой дядя.

— Я вам верю, — сказал Эшфорд.

Томас ушел. Элеанор закрыла блокнот.

— Вы ему верите?

— В этом — да.

— А в остальном?

— В остальном я его записал.

Джордж пришел через двадцать минут, в чистом переднике и с видом человека, которого ведут к директору школы.

— Садитесь, — сказал Эшфорд.

— Я постою, сэр.

— Садитесь. Это надолго и ничего страшного.

Джордж сел на край стула.

— Вчера после ужина вы собирали посуду.

— Да, сэр.

— Где именно?

— В столовой. Потом в баре, но там Бриггс сам. Потом в малом кабинете. — Он показал глазами на стену. — Здесь, сэр. Тут стояла чашка с блюдцем и стакан.

— Сэр Эдмунд пил тут чай днем?

— Да, сэр. Он часто. Мэри убирает библиотеку, а сюда заходит не всегда, потому что тут бумаги, и мистер Уиткомб не велит трогать бумаги.

— Хорошо. Когда вы сюда пришли?

Джордж растерялся.

— Не помню, сэр.

— Не по часам. Скажите по-другому: что вы делали до этого и что после?

— До этого я убрал со стола после рыбы. — Он подумал. — А после отнес поднос на кухню и вернулся, потому что подавали следующее.

— Значит, вы были здесь во время ужина.

— Да, сэр. Между блюдами.

— Дверь этой комнаты была открыта?

— Открыта, сэр. Я ее не закрываю, когда с подносом.

— В коридоре кто-нибудь был?

Джордж молчал секунду.

— Мистер Томас, сэр.

Элеанор перестала писать.

Эшфорд не изменил ни позы, ни голоса.

— Расскажите, — сказал он. — Медленно, и только то, что видели сами.

— Я стоял вот тут, у двери, с подносом. — Джордж показал. — И дверь библиотеки открылась, и оттуда вышел мистер Томас.

— Именно из библиотеки?

— Да, сэр. Там дальше по коридору больше ничего нет, кроме библиотеки. Комната карт и архив с этой стороны, а он вышел из последней двери.

— Вы видели его лицо?

— Видел.

— Насколько хорошо?

Джордж посмотрел на потолок, вспоминая.

— В коридоре лампы редко стоят, сэр, но одна как раз над той дверью. Он под ней постоял, пока закрывал. Я его хорошо видел.

— Вы уверены, что это был мистер Томас, а не кто-то похожий?

— Уверен, сэр. — Джордж посмотрел на него с легким недоумением. — Я его четвертый год вижу, он сюда с осени ездит.

— Хорошо. Он вас заметил?

— Нет, сэр. Он шел и смотрел в пол. Я даже подумал, что надо бы отойти, чтобы он на меня не налетел, а он мимо прошел и не увидел.

— В какую сторону он пошел?

— К холлу.

— А потом?

— А потом я отнес поднос на кухню.

Эшфорд помолчал.

— Джордж, теперь второе. Вы что-нибудь слышали?

— Слышал, сэр. — Он смутился. — Я не подслушивал.

— Никто и не говорит, что подслушивали.

— Дверь была открыта, пока он ее не притворил. И сэр Эдмунд сказал изнутри.

— Что он сказал?

Джордж выпрямился и произнес — не подражая голосу, а просто передавая слова:

— «Дверь прикрой, Томас».

Элеанор подняла голову. Эшфорд записал фразу и обвел ее, как накануне обвел слово «даты».

— Больше ничего?

— Больше ничего, сэр. Мистер Томас дверь закрыл и пошел.

— Голос был обычный?

Джордж задумался всерьез.

— Сердитый, сэр. Не кричал, но сердитый. У него так бывало, когда счета не сходились.

— Спасибо. И последнее. Почему вы не рассказали об этом вчера ночью?

Джордж совсем сник.

— Меня не спрашивали, сэр.

— Про что вас спрашивали?

— Мистер Уиткомб спросил, все ли я убрал и во сколько ушел с кухни. И еще, не видел ли я, чтобы кто-нибудь ходил у библиотеки после того, как... после того, как все случилось. — Он поднял глаза. — А это же было до. Мистер Томас к дяде зашел, они поговорили. Что тут такого, сэр? Он племянник.

— Ничего такого, — сказал Эшфорд. — Вы правильно ответили на те вопросы, которые вам задали. Плохо задавали вопросы, а не вы отвечали.

Джордж посмотрел на него, не понимая, шутка это или нет.

— Идите, — сказал Эшфорд. — И, Джордж...

— Сэр?

— Никому об этом не рассказывайте. Ни на кухне, ни Мэри.

— Не буду, сэр.

Он вышел очень быстро. Элеанор дописала последнюю строчку и положила карандаш.

— Он врал? — спросила она.

— Джордж?

— Томас.

— Один из них сказал неправду, — ответил Эшфорд. — Это разные вещи.

Он вышел с Джорджем в коридор еще раз, через десять минут, когда мальчик отнес посуду.

На стуле у входа в крыло по-прежнему сидел Бриггс. В коридоре было так же сумрачно, как вчера: две лампы на пятьдесят футов и темные промежутки между ними.

— Покажите, где вы стояли.

Джордж встал у двери малого кабинета, чуть боком, будто держал поднос.

— Вот так, сэр.

Эшфорд отошел к двери библиотеки — подпертой стулом, с расщепленным косяком — и остановился под лампой.

— Меня видно?

— Видно, сэр.

— Лицо?

— Лицо видно.

Эшфорд сделал два шага в темный промежуток.

— А теперь?

— Теперь только что кто-то стоит.

— Хорошо.

Он вернулся.

— Джордж, а не могло быть так, что вы видели мистера Томаса в другой раз? Скажем, позже вечером, когда все уже бежали по коридору.

— Нет, сэр. — Мальчик даже головой замотал. — Я его видел, когда посуду собирал, между блюдами. А когда потом все забегали, я был на кухне, и мистер Уиткомб послал меня к двери, встречать.

— А до ужина?

— До ужина я в крыло не заходил. До ужина я был при столе.

— Спасибо.

Морган нашелся в баре, где ничего не наливали. Он сидел с газетой, которую уже дважды прочел.

— Мистер Морган. Вчера вы отвели Томаса наверх.

— Отвел.

— Что именно вы видели?

— Он сидел за столом с бутылкой, я взял его под локоть и довел до второго этажа. Он открыл дверь и вошел. Я подождал секунд десять и спустился.

— Он мог потом снова выйти?

— Мог. Я ему свечку не держал. — Морган сложил газету. — Я знаю, к чему вы. Нет, я не могу поручиться, где он был весь вечер. Я могу поручиться, что незадолго до того, как мы выбили дверь, он был у себя и на ногах держался плохо.

— Этого достаточно.

Эшфорд поднялся к себе и разложил на столе блокнот. Он выписал в столбик то, что знал наверняка.

Томас вышел из столовой — это видел я сам и все, кто оставался за столом.

Сэр Эдмунд объявил, что идет в библиотеку, и вышел — это видел я сам и оставшиеся; Уиткомб открыл ему дверь.

Томас вышел из библиотеки — это видел Джордж.

Сэр Эдмунд при этом говорил и был сердит — это слышал Джордж.

Томас вернулся к столу и спросил: «Ушел?»

Без трех минут девять Томас сидел за столом; тогда наверху раздался кашель.

Перед тем как выбили дверь, Морган довел его до комнаты.

Он посмотрел на пятую строчку дольше остальных.

«Ушел?»

Вчера это прозвучало естественно: человек возвращается за стол, видит пустое кресло и спрашивает. Теперь ту же реплику можно было услышать иначе — как вопрос человека, который знал ответ и не хотел, чтобы за столом об этом подумали.

Это не делало Томаса убийцей. Это делало его человеком, который начал скрывать свой визит еще до того, как кто-либо умер.

Элеанор постучала и вошла с двумя чашками чая.

— Уиткомб велел вам это отнести. Он считает, что вы не обедали.

— Я обедал.

— Я так ему и сказала. Он ответил: «Разумеется, сэр».

Она поставила чашку на стол и посмотрела на список.

— Скрытый разговор с дядей — это еще не убийство.

— Не убийство.

— Тогда что вы делаете?

— Собираюсь узнать содержание разговора, — сказал Эшфорд. — Люди не врут просто так. Они врут о чем-то конкретном, и обычно это конкретное им стыдно называть.

Томаса позвали снова в четыре часа. Вошел он быстрее, чем в первый раз: за два часа человек успевает многое передумать.

— Опять?

— Опять. Садитесь.

Томас сел.

— Вас видели вчера вечером выходящим из библиотеки, — сказал Эшфорд.

Тишина продержалась ровно секунду.

— Кто?

— Это неважно.

— Мне важно.

— А мне важно другое. — Эшфорд положил ладонь на блокнот. — Два часа назад в этой же комнате я спросил вас, заходили ли вы к дяде. Вы ответили: нет.

Томас провел рукой по лицу.

— Я зашел на пять минут, — сказал он. — На пять минут, понимаете? Это даже разговором нельзя назвать.

— Вы не сказали, что зашли на пять минут. Вы сказали, что не заходили.

— Господи. — Он посмотрел в сторону. — Да. Сказал.

— Почему?

Томас долго молчал.

— Вы вчера вечером видели, как со мной обошлись за столом, — сказал он наконец. — При всех. «О деньгах». А я потом пошел и опять попросил.

— И вам было стыдно.

— Мне было противно. — Он произнес это резко. — Знаете, что самое унижительное? Не отказ. То, что я знал заранее, что откажет, и все равно пошел.

— Это одна причина, — сказал Эшфорд. — Была и вторая.

— Была. — Томас поднял глаза. — Утром я проснулся, и мне сказали, что он умер. И первое, что я подумал, — не про него. Про то, что вчера я один ходил к нему в комнату, где его нашли, и что об этом никто не знает.

— И вы решили, что об этом лучше не знать никому.

— Я не решил. — Он покачал головой. — Я просто ответил «нет», когда вы спросили. Оно само так вышло, а потом стало поздно.

Эшфорд открыл блокнот.

— Хорошо. Теперь по порядку. Вы вышли из столовой.

— Вышел.

— И?

— Поднялся к себе. Это правда, я не соврал. Посидел, выкурил папиросу. — Томас усмехнулся невесело. — Потом решил, что если сейчас не поговорю, то за завтраком опять будет «завтра», и пошел вниз.

— Через холл?

— Через холл.

— Там кто-нибудь был?

— Нет. Или был, я не смотрел.

— Дверь библиотеки была заперта?

— Нет. Я постучал, он сказал «войдите».

— Он удивился?

— Он вздохнул, — сказал Томас. — Так, как вздыхают, когда приходит счет за уголь.

— Что было дальше?

— Я сказал, что мне нужно семьсот фунтов. Он спросил, кому я должен. Я сказал. Он спросил, сколько раз это было. Я сказал: последний. Он сказал, что я говорю это в третий раз. — Томас потер лоб. — Он был прав, между прочим.

— Он отказал?

— Он сказал: утром. Опять утром. Сказал, что не будет говорить о деньгах на ночь, потому что от этого не спит.

— Вы разозлились?

— Разозлился.

— Кричали?

— Нет. Я разозлился тихо, у нас в семье все злятся тихо. — Он помолчал. — Я сказал ему что-то вроде: «Вам легко откладывать, вы всегда успеваете». Вот это я сказал. И теперь буду помнить до конца жизни.

Элеанор на секунду перестала писать.

— Сколько времени вы там пробыли? — спросил Эшфорд.

— Не знаю. Несколько минут. Пять, семь. Не пятнадцать.

— Что делал сэр Эдмунд, когда вы уходили?

— Сидел за столом. Он даже не встал. Он мне сказал в спину, чтобы я прикрыл дверь.

Эшфорд не поднял головы от блокнота.

— Теперь другое, — сказал он. — Что вы пили?

Томас удивился.

— Что?

— В библиотеке. Вы пили что-нибудь?

— Я... — Он остановился. — Да. Бренди.

— Кто вам налил?

— Я сам налил.

— Из чего?

— Из шкафчика у стены. Там всегда стоит. — Томас развел руками. — Я туда сунулся, еще когда он на меня смотрел. Наверное, это тоже было по-хамски, но я весь вечер пил и мне нужно было чем-то занять руки.

— Какую бутылку вы взяли?

— Бренди. Она там одна.

— Стакан или бокал?

— Бокал. Оттуда же, из шкафчика. Их там штук шесть, одинаковые.

— Сэр Эдмунд пил с вами?

— Нет, — сказал Томас. — Он никогда не пил бренди. Он на меня посмотрел так, будто я налил себе из чернильницы.

— Он вообще что-нибудь пил при вас?

— Нет. На столе ничего не стояло. Только лампа и бумаги.

— Вы допили?

— Не помню. Кажется, глотка два оставалось.

— Куда вы дели бокал?

— Оставил.

— Где именно?

— На столе. — Он поднял глаза. — На его столе, с краю. Я вообще-то собирался его унести, а потом он мне сказал про дверь этим своим голосом, и я его там бросил.

В малом кабинете стало тихо.

Эшфорд смотрел в блокнот. Он видел ту же картину, что и вчера ночью: лампа с зеленым абажуром, стопка счетов под пресс-папье, письмо у чернильницы и маленький толстостенный бокал с остатком темного на дне.

Меньше глотка.

— Мистер Эшфорд? — сказал Томас.

— Секунду.

— Что-то не так?

— Наоборот. — Эшфорд поднял голову. — Вчера ночью в библиотеке на столе стоял бокал бренди. Все мы, включая меня, решили, что из него пил ваш дядя. Это было единственное объяснение, которое приходило в голову, — при том, что ваша тетя и доктор Хейл в один голос говорят, что бренди он не пил никогда.

Томас медленно побледнел.

— Это мой, — сказал он.

— Возможно.

— Что значит «возможно»? Я же вам только что сказал...

— Вы сказали, что взяли бокал из библиотечного набора и оставили его на столе. Я вам верю. Но их там шесть, они одинаковые, и вы не сможете узнать свой, а я не смогу доказать, что это он. — Эшфорд закрыл блокнот. — И еще одна вещь, которую нужно понимать нам обоим. Вы вернулись за стол до девяти, а нашли его в половине десятого по здешним часам. Между этим больше получаса, и вы не знаете, что происходило в комнате. Кто туда заходил. Пил ли кто-нибудь из вашего бокала. Доливали ли в него.

— Я не... — Томас запнулся. — Я не думал об этом.

— Теперь подумаете.

Томас сидел, глядя в стол.

— Я должен был сразу сказать.

— Должны были.

— И меня теперь арестуют.

— Вас не арестуют, потому что здесь некому арестовывать, — сказал Эшфорд. — Когда придет полиция, вы расскажете им то же самое, что рассказали мне, и в том же порядке. И, Томас...

— Что?

— Вы расскажете им и про первый разговор тоже. Про то, что сначала ответили «нет». Если это скажете вы, это будет глупость испуганного человека. Если это скажу я, это будет ложь подозреваемого.

Томас поднялся. У двери он остановился, как утром останавливался Финч, — видимо, двери в этом крыле так действовали на людей.

— Он был жив, — сказал Томас. — Когда я уходил, он был жив и злился на меня. Это ведь что-нибудь значит?

— Это значит, что он был жив, когда вы уходили, — сказал Эшфорд. — Не меньше и не больше.

Дверь закрылась. Элеанор дописала строчку и подняла голову.

— Вы ему опять поверили.

— Одно проверено: он был в библиотеке, это видел Джордж, — сказал Эшфорд. — Все остальное — бренди, бокал, о чем они говорили — я знаю только с его слов, и проверить это пока нечем.

Он подошел к окну. Озеро внизу лежало неподвижно, серое и плоское, и дальний берег к четырем часам уже начинал темнеть.

Бокал бренди перестал быть странностью. У него появился человек, который мог его налить, и объяснение, почему он оказался на столе у непьющего бренди хозяина.

Все остальное осталось на своих местах.

Джордж слышал живого сэра Эдмунда, который сердито велел племяннику прикрыть дверь. Потом Уиткомб постучал и не получил ответа.

Между этими двумя минутами вчерашнего вечера не было ничего: ни свидетеля, ни звука, ни времени, названного вслух. Рассказ Томаса объяснял бокал и не заполнял этот промежуток ни на минуту.

Именно его и предстояло восстановить.

Глава 8

Вторая записка

— Ричард, — сказал Эшфорд.

Элеанор подняла голову от блокнота.

— Сейчас?

— Как только он спустится. Мне нужно знать, когда он перестал играть, куда пошел и видел ли кого-нибудь в холле.

— Вчера я сказала, что это он прошел мимо бара.

— Сказали.

— А сегодня утром призналась, что не видела его. — Элеанор закрыла блокнот. — Значит, вы хотите услышать от него то, чего я не знаю.

— Я хочу услышать от него то, что он знает сам. А потом посмотреть, совпадает ли это с тем, что слышали мы.

— Он не спускался к обеду.

— Значит, спустится к чаю. Или я поднимусь к нему.

Они вышли из малого кабинета. Бриггс по-прежнему сидел на стуле у входа в крыло.

В холле было почти темно. За высокими окнами день кончился раньше, чем часы успели это признать, и Уиткомб уже зажег лампы у лестницы. Морган в баре шуршал газетой. Финч сидел в кресле у камина так же, как после обеда: лицом к стойке, на которой стоял телефон.

Перед ним на столике лежали три аккуратно сложенных листа бумаги и карандаш.

Когда телефон зазвонил, Финч оказался у аппарата раньше, чем звонок повторился.

— Финч слушает... Да. Да, соединяйте.

Он прижал трубку к уху и свободной рукой потянулся к листам, которые принес с собой. Взял карандаш, поставил острие на бумагу — и остановился.

Грифель был сломан.

Он посмотрел на карандаш так, будто тот лично его предал.

Эшфорд достал из кармана свой и положил на стойку рядом с его рукой.

Финч кивнул, не поднимая глаз.

— Уилкинс? Да, я. Нашли? — Пауза. — Все три? Подождите. Мистер Эшфорд, он нашел журнал.

— Пусть читает.

— Читайте, Уилкинс. Медленно. Я записываю.

Элеанор встала по другую сторону стойки и открыла блокнот.

Голос в трубке был неразборчив — слабое потрескивание и ровное бормотание, как будто человек на другом конце читал по книге, держа ее слишком далеко от лица. Финч слушал, писал и повторял вслух, четко, отделяя слово от слова:

— Дело сорок один. Подтверждение получения. Поступило двадцать шестого февраля сорок третьего года... Да. Записал. Дальше.

Он подождал.

— То же дело. Подтверждение получения. Поступило второго апреля... Записал.

И еще раз:

— То же дело. Подтверждение. Поступило семнадцатого мая. Записал. Спасибо, Уилкинс, подождите у аппарата.

Он прикрыл трубку ладонью и повернулся к Эшфорду.

Эшфорд уже раскрыл свой блокнот на странице, которую исписал утром в маленькой комнате с окном на озеро.

Он положил его рядом с листом Финча.

Восемнадцатое февраля — двадцать шестое февраля.

Двадцать четвертое марта — второе апреля.

Шестое мая — семнадцатое мая.

Первая записка легла на стол в конторе за три дня до того, как умер Этьен Моро.

Вторая и третья пришли позже — через девять и через одиннадцать дней после дат, которыми были помечены. Обычные сроки для почты военного времени. Ничего странного.

Странным в этих двух строчках было только одно, и журнал ничего не мог к этому добавить.

— Это помогает? — тихо спросил Финч.

— Это показывает, когда бумага пришла к вам, — ответил Эшфорд. — Не то, когда на нее поставили подпись и кто.

— Я понимаю.

— Но у нас есть кое-что еще. — Эшфорд постучал пальцем по листу. — Ваш журнал. Там отмечали только дату?

Финч замялся.

— Обычно еще способ доставки. Почта, банк, нарочный. Иногда фамилию, если пакет приносил человек со стороны. Я велел Уилкинсу читать только даты.

— Попросите его прочесть остальное.

Финч снова поднес трубку к уху.

— Уилкинс. Да, я. Еще одна вещь. В тех же трех строках — что записано в графе доставки? — Он слушал. — Первая... нарочным. Только это? Без фамилии? Хорошо. Третья?

Пауза.

— С корреспонденцией банка. Хорошо. А вторая?

На этот раз пауза была дольше.

Финч перестал повторять вслух.

Он слушал, и Эшфорд видел, как его рука с карандашом медленно опускается к бумаге. Финч написал что-то коротко, в одну строчку, и повернул лист так, чтобы Эшфорд мог прочесть.

«Ч. Морган».

Элеанор, стоявшая напротив, прочла тоже. Она подняла глаза на Эшфорда и ничего не сказала.

Из бара донесся шелест — Морган переворачивал страницу газеты.

— Спросите его, — сказал Эшфорд очень тихо, — к какой строке это относится. К поступлению второго апреля или к соседней записи. И что именно написано в графе: «доставил» или что-нибудь другое.

Финч передал вопрос.

Уилкинс, судя по потрескиванию в трубке, искал довольно долго.

— Строка второго апреля, — повторил наконец Финч, понизив голос. — Дело сорок один. Подтверждение получения. Конверт запечатан. Графа «доставлено»... Фамилия и инициал. Выше и ниже — другие дела, другие даты. — Он помолчал, слушая. — Почерк тот же, что во всей странице. Это рука Пибоди, он тогда принимал корреспонденцию.

— Хорошо, — сказал Эшфорд. — Пусть ничего не трогает. Журнал под замок. Пусть подготовит точную выписку трех строк и подпишет ее.

Финч передал. Выслушал ответ. Сказал:

— Нет, Уилкинс, не по почте. Пусть пока лежит у вас. Я позвоню.

Он повесил трубку.

Некоторое время никто не двигался. Потом Финч сел обратно в кресло, взял лист бумаги и посмотрел на одну строчку так, как смотрят на счет, который не собирались оплачивать.

— Я его не знаю, — сказал он. — Мистер Эшфорд, я этого человека до вчерашнего дня не видел ни разу.

— Я вам верю.

— Нет, вы послушайте. Я говорил утром «курьер». Я думал — посыльный, мальчишка из конторы, из банка, мало ли. Мы так записывали: принесено нарочным. Кто приносил, я не видел никогда. Корреспонденцию принимал Пибоди. Я сидел в задней комнате и получал от него конверт уже вскрытым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.